

XXIV г. — 1898 г.

№ 11-й.

Цѣна съ пересылкой
4 р. 50 к.

Отдѣльнаго № 25 к.

выходятъ

ДВА РАЗА

въ мѣсяць.

Юня 1-го.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
НОВГОРОДЪ,
редакціи „Епархіальныхъ
Вѣдомостей“.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, во 2-й день мая сего года, на награжденіе за 50-лѣтнюю службу, орденомъ св. Владиміра 4-й степени, заштатнаго священника Чудовской церкви, новгородскаго уѣзда, *Василія Завулонскаго*.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНОГО НАЧАЛЬСТВА.

Преподано благословеніе Его Высокопреосвященства: служащимъ тяги на станціи „Бологое“ — машинистамъ и помощникамъ, вмѣстѣ съ ихъ начальникомъ Александромъ *Стародубцевымъ*, за пожертвованіе въ Бологовскую церковь, валдайскаго уѣзда, плащаницы, стоимостію 600 рублей, и мастеровымъ паровознаго депо съ ихъ начальникомъ Корнилиемъ *Михайловымъ*, за пожертвованіе въ ту же церковь образа св. Θεодосія Черниговскаго, въ кіотѣ, стоимостію 300 рублей.

Управляющій дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги, статсъ-секретарь А. Куломзинъ вошелъ къ Его Высокопреосвященству письмомъ, въ коемъ прописалъ, что Комитетомъ по постройкѣ храма на станціи „Боготоль“, средне-сибирской желѣзной дороги, на сооруженіе коего обращены средства, доставленныя лицами высшей духовной іерархіи, сообщено ему по телеграфу, что 9-го сего мая совершена закладка храма. Церковь будетъ строиться въ три придѣла: главный — во имя святителя Николая чудотворца и боковые: 1) въ честь св. ярославскихъ чудотворцевъ Θεодора, Давида и Константина и 2) во имя св. муч. Татіаны. О чемъ Консисторія, согласно резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 20-го мая за № 1031, и объявляетъ жертвователямъ изъ числа духовенства епархіи для свѣдѣнія.

ДВИЖЕНІЕ И ПЕРЕМѢНЫ ПО СЛУЖБѢ.

На праздное священническое мѣсто къ Больше-Шугозерской церкви, тихвинскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ ученія въ новгородской духовной семинаріи Иванъ *Каменскій*, 12-го мая.

На праздное діаконское мѣсто къ Николо-Полистьской церкви, новгородскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ ученія въ новгородской духовной семинаріи Михайлъ *Каратыгинъ*, 2-го мая.

На праздное діаконское мѣсто къ Богородице-Бѣльской церкви, боровичскаго уѣзда, перемѣненъ діаконъ Никандровской церкви, того-же уѣзда, Дмитрій *Сутокскій*, на діаконское-же мѣсто къ Никандровской церкви опредѣленъ безмѣстный діаконъ Андрей *Лебедевъ*, 14-го мая.

На праздное діаконское мѣсто къ Введенской гор. Валдая церкви, перемѣненъ діаконъ Ужинской церкви, валдайскаго уѣзда, Іоаннъ *Шестенеровъ*, 12-го мая.

На праздное діаконское мѣсто къ новгородскому Звѣрину монастырю опредѣленъ псаломщикъ того-же монастыря Василій *Альбовъ*, 18-го мая.

На праздное священническое мѣсто къ Люболядской церкви, новгородскаго уѣзда, опредѣленъ псаломщикъ Рамушевской церкви, старорусскаго уѣзда, Сергій *Зюревъ*.

ПРАЗДНЫЯ ВАКАНСІИ.

Священническія: При Лупсарской Воскресенской и Иткло-Бобровской церквахъ, кирилловскаго уѣзда; при Введенской Лозской и Шужболенской—бѣлозерскаго уѣзда, и при посадской Опеченской—боровичскаго уѣзда.

Діаконскія: При Бѣлозерскомъ соборѣ и при Ужинской церкви, валдайскаго уѣзда.

Псаломщическія: При Ваксаловской церкви, бѣлозерскаго уѣзда и при новгородскомъ Звѣриномъ женскомъ монастырѣ.

ДЕНЕЖНЫЯ ПОСТУПЛЕНІЯ.

За Всемиловивѣйше пожалованные ордена: св. Анны 2-й степени и св. Станислава 3-й степени.

Отъ благочинныхъ при репортахъ: К. Преображенскаго за № 171—15 р. 16 к. и А. Семеновскаго за № 56—35 р. 16 к.

На гербовыя марки.

Отъ благочиннаго священника М. Либеровскаго при репортѣ за № 123—51 р. 20 к.

За высланныя обыскныя и метрическія книги и разныя бланковые листы.

Отъ благочинныхъ при репортахъ: З. Бѣлоликова за № 57—7 р. 50 к., А. Веригина за № 69—14 р. 80 к.; А. Боброва за № 129—10 р.; М. Либеровскаго за № 124—5 р.; причта Соцкой церкви, олонецкой епархіи за № 45—1 р. 32 к.; архимандрита Димитрія за № 27—11 коп. и казначея Вяжищскаго монастыря, іеромонаха Никанора за № 47—11 коп.

Редакторъ офіціальной части *Х. Поповъ.*

О цѣли вознесенія Господа нашего Іисуса Христа на небо.

(Поученіе на праздникъ Вознесенія Господня).

Съ каждымъ праздникомъ церкви соединяются воспоминанія или радостныя, или печальныя. Какъ же назвать нынѣшній праздникъ, — праздникъ вознесенія Господня, радостнымъ или печальнымъ? Назвать его радостнымъ? — но вотъ св. церковь поетъ: „Господи, Апостоли, яко видѣша Тя на облацѣхъ возносима, рыданіемъ слезъ скорби исполняеми рыдающе, глаголаху: Владыко, не остави насъ сирыхъ“ (стих. веч.). Да и что за радость дѣлать, когда ихъ оставляетъ отецъ; что за веселіе для невѣсты, покидаемой своимъ женихомъ? Такъ, значить, праздникъ нынѣшній нужно назвать печальнымъ? Но зачѣмъ же служители церкви, по подобію ангеловъ, въ сей день облачаются въ свѣтлыя ризы? Зачѣмъ они поютъ: „вознесся еси во славу, Христе Боже нашъ, радость сотворивый ученикомъ“... (троп. пр.). И самъ евангелистъ Лука, описавшій нынѣ празднуемое событіе, замѣчаетъ, что апостолы, по вознесеніи своего Учителя, „возвратившася во Іерусалимъ съ радостію великою“ (Лук. 24, 52). Итакъ что же? радоваться-ли въ этотъ день христіанину или скорбѣть, веселиться или печалиться? Вникнемъ, благочестивые слушатели въ цѣль вознесенія Господа Спасителя нашего на небо, и тогда познаемъ, что для насъ приличнѣе въ этотъ день — скорбь или радость, сѣтованіе или веселіе?

Итакъ, для чего же Господь вознесся отъ насъ на небо? По любви къ намъ сошелъ Онъ на землю, жилъ между людьми, предалъ Себя на страданія и смерть; по любви же къ намъ вознесся и на небо. Припомнимъ послѣднюю бесѣду Спасителя съ учениками предъ Его страданіями. Въ этой бесѣдѣ Онъ, между

разными наставленіями, говорилъ ученикамъ: „иду къ Пославшему Мя. Уне есть вамъ, да Азь иду: аще бо не иду Азь, Утѣшитель не придетъ къ вамъ: аще ли же иду, по слову Его къ вамъ“ (Іоан. 17, 5, 7). Въ примѣненіи къ апостоламъ эти слова Господа были словами великаго утѣшенія и ободренія въ ихъ тогдашнемъ состояніи. Великое дѣло предстояло имъ: они должны были пронести глаголы живота вѣчнаго (Іоан. 6, 68) по всей вселенной, проповѣдать Евангеліе всей твари (Мрк. 16, 15), т. е. всѣмъ народамъ, и за сіе терпѣть отъ людей вмѣсто признательности—неблагодарность, гоненія, преслѣдованія, мученія и самую смерть. Апостолы это знали и изъ жизни своего Учителя и изъ словъ Его, сказанныхъ въ той же бесѣдѣ: „въ мѣрѣ скорбни будете“ (Іоан. 16, 33). Что же могло уладить апостоловъ въ ихъ будущемъ служеніи, что могло укрѣпить ихъ на предстоящіе великіе подвиги? Ничто иное, какъ обѣщаніе Утѣшителя Духа Святаго и самое исполненіе обѣщанія—полученіе даровъ Св. Духа въ день пятидесятный. А сіе полученіе Св. Духа обусловливалось вознесеніемъ Спасителя на небо: „аще не иду Азь, Утѣшитель не придетъ къ вамъ“ (Іоан. 16, 7). И св. Іоаннъ замѣчаетъ: „не у бо бѣ Духъ Святыи, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ“ (7, 39). Въ этомъ отношеніи событіе вознесенія Господа нашего Іисуса Христа радостно и для всѣхъ насъ, братіе! Въ таинствахъ церкви и мы получили и получаемъ дары Св. Духа; слѣдовательно, и по отношенію къ намъ существенны слова Спасителя: „уне есть вамъ, да Азь иду“. Ей, гряди, Господи Іисусе, говоритъ наше сердце, и пошли намъ Духа Утѣшителя, просвѣщающаго, освящающаго и спасающаго души наши.

Зачѣмъ Господъ вознесся отъ насъ на небо? А чтобы съ высоты небесной промыслительно смотрѣть за нами, какъ смотритъ отецъ за дѣтьми, пастырь за своимъ стадомъ, чтобы видѣть оттуда всѣхъ и всякому подать благовременную помощь. Такъ, слушатели благочестивые, всѣ мы находимся подъ благодѣтельнымъ покровомъ нашего Спасителя и Ходатая, Іисуса Христа, Праведника (1 Іоан. 2, 1). „Придите ко Мяѣ вси труждающіи и обремененніи, и Азь упокою вы“ (Мто. 11, 28), гово-

рить Господь каждому изъ насъ, плавающему въ житейскомъ морѣ и обуреваемому напастей бурей. Господь сдѣлалъ для насъ большее: чрезъ Свои страданія и смерть Онъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя и Своею смертію вѣчную смерть поправъ, а Своимъ вознесеніемъ прославилъ наше человѣческое естество. Тѣмъ болѣе Онъ не оставитъ насъ сырыми въ нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ нуждахъ. Какъ сладостна для насъ, братіе, увѣренность, что упованіе наше—Отець, прибѣжище наше—Сынъ, покровъ нашъ—Духъ Святой!

Зачѣмъ Господь вознесся отъ насъ на небо? Чтобы дать и намъ небо, отворить и намъ входъ въ царство небесное. Древній Адамъ затворилъ входъ въ рай и отворилъ адъ; новый Адамъ—Христосъ, затворилъ адъ и отверзъ райскія двери всемъ достойнымъ райскаго жилища. Первымъ прошелъ дверями рая благо-разумный разбойникъ, затѣмъ пророки, апостолы, святители, мученики и все угодившіе Богу своею жизнію и шедшіе путемъ евангельскимъ. Не свѣтитъ-ли и намъ благодатный лучъ надежды на возможность вступленія на небо въ райскія обители къ лику ранѣе насъ получившихъ уже блаженство небожителей? Не утѣшительны-ли и для насъ слова Спасителя, сказанныя въ Его предсмертной бесѣдѣ съ учениками: „въ дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекъ быхъ вамъ. Иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, паки прииду и пойму вы къ Себѣ: да, идѣже есмь Азъ, и вы будете“ (Іоан. 14, 2—3). Радостныя слова; отрадное обѣтованіе. Господь вознесся на небо, чтобы каждому доброму христіанину за его истинно-христіанскую жизнь приготовить въ награду обитель въ небесномъ царствіи, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, а непрестающая вѣчно-блаженная жизнь въ общеніи съ Богомъ и небожителями.

Мы сказали сей-часъ, что только истинные христіане, живущіе по духу Евангелія, могутъ надѣяться на полученіе обители въ дому Отца небеснаго. И слово Божіе говоритъ, что „не имать въ него,—въ царство небесное,—внити всяко скверно, и творяй мерзость и лжу“ (Апок. 20, 15); что „неправедницы царствія Божія не наследуютъ, ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни

сквернители, ни лихоимцы, ни тати, ни пьяницы, ни досадители царствія Божія не наслѣдятъ“ (1 Кор. 6, 4—10). И въ другомъ мѣстѣ: „земля, износящая терніе и волчець, не потребна есть и клятвы близъ, ея же кончина въ пожженіе“ (Евр. 6, 8): душу грѣшную, нераскаянную, апостоль сравниваетъ съ безплодною землею, съ сорною травою, сжигаемою по негодности. О, значить, не для всѣхъ сегодняшній праздникъ радостенъ. Горе нераскаяннымъ грѣшникамъ: не для нихъ вознесся Господь! Горе изъ насъ тѣмъ, которые, живя беззаконно, забыли нещись обь обителяхъ небесныхъ и готовятъ себѣ обители въ мрачномъ и страшномъ адѣ! „По жестокости своей и непокаянному сердцу, (они) собираютъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его“ (Рим. 2, 5—6).

Но что же? не предадимся-ли мы отчаянію за свои грѣхи? Не утратимъ-ли надежды на достиженіе неба и райскаго блаженства, сознавая себя людьми грѣшными? Не омрачается-ли для всѣхъ насъ свѣтлый праздникъ вознесенія Господня, вмѣсто того, чтобы радовать и успокаивать нашу душу? Возлюбленные братіе! Грѣшны мы, но послушайте, что говорилъ нѣкогда Самъ Господь нашъ Спаситель, какъ-бы утѣшая и облегчая души наша: „Не придохъ, вѣщаетъ Онъ, — Милостивый, — призвати праведники, но грѣшники на покаяніе“ (Мтѣ. 9, 13). Онъ, умершій ради насъ и восшедшій на небеса, долготерпитъ на насъ и не желаетъ нашей гибели, но спасаетъ отъ нея и даетъ благодатныя средства къ очищенію и исправленію, однимъ изъ коихъ для насъ служитъ покаяніе. Покаяніемъ сокрушеннымъ мы можемъ заслужить прошеніе грѣховъ и достигнуть обителей небесныхъ, уготованныхъ Господомъ всемъ любящимъ Его.

Пусть же нынѣшній день будетъ не только для праведныхъ, но и для грѣшниковъ истинно-радостнымъ праздникомъ. Не предадимся мрачному отчаянію, а припадемъ ко Христу въ покаяніи съ любовію сердечною и съ молитвою, и Онъ, истинный Богъ нашъ, во славу вознесыйся отъ насъ на небо и одесную сѣдый Бога и Отца, помилуетъ и спасетъ насъ. Аминь.

Священникъ *М. Либеровскій.*

I) Изъ жизни и исторіи епархіи.

Письма изъ деревни.

(По поводу введенія въ новгородской губерніи казенной продажи спиртныхъ питій).

Съ января мѣсяца въ предѣлахъ новгородской губерніи введена казенная продажа питій, и хотя за столь короткій періодъ времени послѣдствія этого нововведенія не успѣли еще выразиться во всей полнотѣ и ясности, однако нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ, очень важныхъ перемѣнъ, связанныхъ съ этимъ учрежденіемъ и обнаружившихся уже въ деревнѣ. Одно уже то обстоятельство, что введеніемъ казенной монополіи въ продажѣ питій уничтожились *кабакъ* и *кулакъ кабатчикъ*, — въ прошломъ дурномъ смыслѣ этихъ словъ, — явленіе весьма отрадное.

Кто знаетъ деревню и то, что значили въ ней *кабакъ* и *кабатчикъ*, тотъ не можетъ не порадоваться, что наконецъ-то пришелъ злу этому желанный конецъ. Не въ томъ была, по нашему мнѣнію, бѣда, что въ *кабакѣ* и изъ *кабака* распространялась и разносилась водка, — а въ томъ, что *кабакъ* вносилъ въ среду народную всегда и всюду, гдѣ бы ни появлялся, особенную нравственно-грязную и гнилую атмосферу, подъ вліяніемъ которой народъ портился духовно и непременно бѣднѣлъ или разорялся вовсе. Что ютилось въ *кабакѣ* — это настолько всѣмъ извѣстно, что едва-ли нужно много распространяться. Достаточно замѣтить, что не всякій маломальски интеллигентный человѣкъ рѣшался войти въ это убѣжище; порядочному человѣку казалось душно, противно, стыдно и унизительно переступить его порогъ, потому что здѣсь ничего другого нельзя было видѣть и слышать кромѣ самаго грубаго цинизма, сквернословія, дикихъ возгласовъ, площадной ругани, зачастую соединяю-

шейся съ дракой, буйствомъ и т. п. нравственнымъ безобразіемъ. Въ кабакъ создавалось въ большинствѣ случаевъ гнѣздо такъ называемыхъ „завсегдатаевъ“, т. е. проходимцевъ и людей, выбившихся изъ за вина изъ колеи своей жизни, народа отчаяннаго, грязнаго и до крайности грубаго, способнаго на всякія дѣла и представляющаго для деревни самый опасный элементъ.

А между тѣмъ, вся эта грязь непременно лѣзла и била въ глаза; кабакъ старался занять въ деревнѣ самое видное и бойкое мѣсто; онъ рассчитывалъ на то, чтобы привлечь и заманить къ себѣ покупателя, и не удивительно, если около кабака было всегда оживленно: здѣсь вы увидѣли бы и отдыхающихъ отъ работы мѣстныхъ крестьянъ, и прѣзжіе людъ.—и женщинъ и подростковъ, ожидающихъ своихъ мужей и отцовъ,—и массу дѣтей-малолѣтковъ, играющихъ подъ окнами и дверями кабака. И грустныя мысли невольно возникали въ душѣ всякій разъ, какъ мы съ жалостью смотрѣли на эту ватагу молодого деревенскаго поколѣнія, съ самыхъ раннихъ поръ дѣтства свыкающагося съ кабакомъ. Чему, думалось, ни научатся они здѣсь, чего ни наслышатся, чего ни насмотрятся!!

Кабакъ вліялъ на деревню самымъ вреднымъ образомъ, а между тѣмъ народъ положительно, можно сказать, льнулъ къ нему. Кабакъ представлялъ собою въ деревнѣ нѣчто въ родѣ общественнаго клуба, въ которомъ и около котораго нерѣдко сосредоточивалась вся деревенская жизнь: здѣсь и отдыхали, и совѣщались, и вершили на винѣ всякія недоумѣнія и тяжбы: самые крупныя крестьянскіе вопросы и самыя мелкія личныя сдѣлки обсуждались и разрѣшались въ кабакѣ въ большинствѣ случаевъ при участіи самого кабатчика, какъ лица дѣловаго, бывалаго и опытнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Понятнымъ становится послѣ всего этого, какъ широко распространялъ въ деревнѣ свое гибельное, нравственно-растлѣвающее вліяніе кабакъ и какими разнообразными и многочисленными путями впитывалась и усвоялась крестьянствомъ его разъѣдающая злостепенная атмосфера.

Но не одна только нравственная порча разносилась по крестьянской средѣ чрезъ кабакъ; при появленіи его въ томъ или иномъ крестьянскомъ обществѣ, са-

мымъ чувствительнымъ образомъ страдало и имущество благосостояніе крестьянъ, и при этомъ благосостояніе не тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, а цѣлой напимѣрь деревни, или села, въ которыхъ кабакъ свивалъ себѣ гнѣздо. Чѣмъ это объяснить себѣ,—я нѣсколько затрудняюсь отвѣтить вполне, опредѣленнымъ образомъ, съ твердымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ сужденій, но самый фактъ безспоренъ и неоднажды былъ нами провѣренъ на опытъ. Такъ напимѣрь, въ нашемъ приходѣ кабакъ появился впервые лѣтъ пятнадцать тому назадъ и за это время четыре раза перемѣнялъ свою осѣдность, перекочевывая изъ одной деревни въ другую. И удивительное дѣло, гдѣ бы онъ ни появлялся, деревня, рассчитывавшая обогатиться деньгами, вносимыми сидѣльцемъ въ общество за постой, вмѣсто этого бѣднѣла и бѣднѣла, съ каждымъ годомъ все больше и больше и совершенно, что называется, отбивалась отъ рукъ. Три деревни нашего прихода пускали къ себѣ кабакъ и результатъ былъ для всѣхъ одинъ и тотъ же: раззореніе и запустѣніе, и это наконецъ настолько сдѣлалось яснымъ и очевиднымъ, что когда кабатчикъ, высосавъ всѣ соки изъ этихъ деревень, покусился было на четвертую, самую лучшую и зажиточную, хотя и отдаленнѣйшую въ нашемъ приходѣ, деревню, то сами крестьяне, наученные горькимъ опытомъ, отчасти и подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ и даже просьбъ мѣстнаго батюшки, рѣшительно отказались отъ предложенія и, слава Господу Богу, кабакъ не появился среди нихъ, а перекочевалъ вновь въ ту деревню, гдѣ открылся въ первый самый разъ.

Я лично заинтересованъ былъ въ матеріальномъ благосостояніи прихожанъ, зорко слѣдилъ за дѣйствіями кабака въ приходѣ, и вотъ что могъ наблюдать: лишь только въ какой-либо деревнѣ основывался кабакъ, какъ тотчасъ же создавалась крупная „задолженность“ почти всѣхъ поголовно крестьянъ сидѣльцу; какими путями и средствами она образовывалась, это укрывалось отъ глазъ, но что крестьяне состояли всегдашними должниками сидѣльцу,—объ этомъ ни онъ самъ, ни крестьяне не молчали. Бывало не въ рѣдкость можно было увидать, что полосу такого-то крестьянина косить или жнеть сидѣлецъ, уступлена-де за долгъ, или ко-

рова у такого-то продана сидѣльцу и половина-де цѣны пошла въ уплату долга ему и т. п. и т. п. Осень была самымъ счастливымъ временемъ для кабака и сидѣльца временемъ; у послѣдняго въ это время и зерноваго хлѣба скоплялось больше, чѣмъ у любого крестьянина, и сѣна, и соломы, и всякаго вообще добра, и все это понавезено ему крестьянами, преимущественно въ уплату долга. Къ веснѣ часть этого добра крестьянскаго (большая, конечно, продавалась) расходилась по дворамъ крестьянскимъ, но по цѣнѣ уже, читатель, очень высокой и создавала новый долгъ сидѣльцу, который опять платился тѣмъ же указаннымъ способомъ и снова появлялся и давилъ крестьянина непрерывно изъ года въ годъ. Но что всего обиднѣе, такъ это то, что сидѣлецъ всегда жаловался на свои убытки и на неисправность уплаты крестьянами долговыхъ счетовъ, а крестьяне, какъ бы и не подразумѣвая вѣчной своей кабалы сидѣльцу, наперерывъ другъ передъ другомъ ублажали и почитали кабатчика, какъ своего благодѣтеля и кормильца, выручающаго ихъ въ нуждѣ и бѣдѣ. Такъ проходило четыре—пять лѣтъ, рѣдко больше, и когда сидѣлецъ убѣждался, что деревня, въ которой онъ поселился, очень уже обѣднѣла и крестьяне, дѣйствительно, могли не уплатить ему своихъ долговъ, онъ въ первую же осень ликвидировалъ обычно свои дѣла и перепрашивался въ другую деревню, гдѣ продолжалъ вести свои дѣла подобнымъ же образомъ и порядкомъ, попрежнему считаясь отъ другихъ и самъ себя величая благодѣтелемъ и благотворителемъ крестьянскому люду.

Я сказалъ уже выше, что пути и средства образованія первой задолженности крестьянъ сидѣльцу укрывались отъ глазъ; но кое-что намъ все же удалось подмѣтить по этому поводу. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о добросовѣстности или плутоватости сидѣльцевъ; потому что и помимо преднамѣренныхъ начетовъ всегда могъ образоваться долгъ крестьянъ сидѣльцу. Дѣло въ томъ, что, гдѣ основывался кабакъ, тамъ мы всегда подмѣчали среди крестьянъ то довольно характерное явленіе, что они какъ будто сразу же начинали чувствовать себя гораздо богаче, чѣмъ прежде; они и такъ называемыя праздниція деревенскія справляли шире

и шумѣе, чѣмъ прежде, и „гуляли“ дольше обыкновеннаго;—въ то же время у нихъ образовывался сряду же и излишекъ въ пахоти и покосахъ, такъ что всегда находились углы и концы, которые деревня признавала возможнымъ отдать въ «кортому» за полведра или четверть водки; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчали мы возникавшую вдругъ въ деревнѣ щеголеватость и въ одеждѣ, тѣмъ болѣе, что сидѣлецъ (по крайней мѣрѣ нашъ) всякій разъ, какъ основывалъ въ той или иной деревнѣ кабакъ, тотчасъ же открывалъ при немъ и лавочку съ съѣстными припасами и съ „краснымъ товаромъ“ т. е. съ ситцами, фуражками, платками, сапогами и т. п. мелочью. Покупателей на первыхъ порахъ являлось обыкновенно достаточно и торговля шла довольно бойко, такъ какъ признаннымъ людямъ и „вѣрнымъ“ кабатчикъ не отказывался отпустить товаръ и безъ денегъ, „на стѣнку“. И вотъ, съ одной стороны—кабакъ, а съ другой стороны—лавочка, дѣлали свое дѣло; крестьяне, сами того не замѣчая, постепенно и исподволь попадали подъ кабалу сидѣльцу и эта кабала затягивалась на шеѣ ихъ мертвымъ узломъ, давила и разоряла ихъ. Такъ, по нашему наблюденію, возникала эта раззорительная задолженность крестьянства сидѣльцу, о которой мы упоминали выше. Но кромѣ задолженности, мы должны въ заключеніе отмѣтить еще одно обстоятельство, стоявшее въ связи съ существованіемъ кабака въ деревнѣ и точно также самымъ губительнымъ образомъ вліявшее на благосостояніе крестьянъ:—разумѣемъ усиленіе съ водвореніемъ въ деревнѣ кабака разныхъ, такъ называемыхъ, несчастныхъ случайностей,—т. е. воровства и особенно пожаровъ—этого истиннаго бича деревни. Чѣмъ это объясняется, понятно само собой; послѣ того, какъ мы уже выше сказали, что въ кабакѣ зачастую свивали себѣ притонъ разнаго рода шарлатаны-проходимцы и подозрительныя лица, которыя, не имѣя сами личной собственности, не особенно заботливо относились и къ чужому добру и, нерѣдко ночуя на задворкахъ и гумнахъ крестьянскихъ, по отчаянной небрежности въ обращеніи съ огнемъ, или и по преднамѣренной досадѣ на кого-либо изъ крестьянъ, выжигали неоднократно цѣлыя десятки хозяйствъ въ деревнѣ. По крайней мѣрѣ въ одной изъ дере-

вень нашего прихода, въ которой кабакъ существовалъ только два года, было при немъ подрядъ три самыхъ опустошительныхъ пожара, послѣ которыхъ деревня настолько запустѣла, что и узнать ее было невозможно.

Такъ вотъ что значили для деревни кабакъ и сидѣлецъ-кабатчикъ. И да не подумаетъ, читатель, что мы сгустили краски и что-нибудь преувеличили. Наоборотъ, я долженъ признаться, что сказалъ объ этой язвѣ народной жизни далеко, далеко не все, что нужно. И если бы нынѣшняя реформа въ продажѣ спиртныхъ питій принесла съ собою въ итогъ лишь уничтоженіе одного только этого зла, т. е. кабака и кулака-сидѣльца, то мы и за это, по всей справедливости, были бы весьма признательны ей.

Обыватель.

ФЕРАПОНТОВЪ БѢЛОЗЕРСКІЙ

РОЖДЕСТВА ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦЫ МОНАСТЫРЬ.

(Къ 500-лѣтію его основанія).

Съ половины XIV вѣка бѣлозерская область, составлявшая независимое удѣльное княженіе, подпала сильному вліянію Москвы. Съ каждымъ годомъ власть мѣстныхъ бѣлозерскихъ князей таяла, а значеніе московскихъ государей росло, такъ что къ исходу столѣтія весь обширный бѣлозерскій край оказался въ верховномъ обладаніи Москвы, ставъ отъѣзжимъ удѣломъ великокняжескаго брата Андрея Дмитріевича, князя можайскаго. Довольно густое населеніе московскаго государства въ новой лѣсистой и малообитаемой области нашло много свободныхъ и удобныхъ мѣстъ для земледѣлія и первобытныхъ промысловъ. Край сталъ быстро наполняться пришлымъ народомъ.

Во главѣ переселенческаго движенія шли старцы-пустынники. Путь же ему проложилъ преподобный Ферапонтъ Бѣлозерскій. Онъ первый ознакомился съ бѣлозерскими краями и нашелъ ихъ удобными для пустынножительства и заселенія.

Св. Ферапонтъ происходилъ изъ дворянъ города Волоколамска. Θεодоръ Поскочинъ, такъ звали въ мірѣ бѣлозерскаго отшельника, въ домѣ своихъ родителей преусиѣвая „въ науче-

ни благихъ дѣлъ“, стяжалъ „душевную доброту и умъ здравъ“, но не былъ наученъ „грамотной хитрости“, такъ что всю жизнь оставался безъ нея.

Общество того времени было провикнуто уваженіемъ къ иноческой жизни. Феодоръ росъ, когда дѣятельность св. Сергія Радонежскаго, вдохнувшего новую жизнь въ монастыри московскаго государства, получила широкое распространеніе и огласку. Тогда всѣ лучшіе люди шли въ монастыри, а кто не успѣвалъ этого сдѣлать своевременно, постригался передъ смертію. Феодоръ съ раннихъ лѣтъ ощутилъ въ себѣ желаніе „сподобиться святаго иноческаго образа“ и, оставивъ свой родной край, прибылъ въ Москву, въ Симоновъ монастырь, гдѣ и былъ принятъ въ число иночествующей братіи. Новоначальный инокъ Феорапонтъ, по обычаю монастырскому, въ наученіе „келейнаго жительства и чина монастырскаго, бдѣнія Божественнаго и постничества“, былъ отданъ нѣкому искусному старцу. Братія скоро обратила вниманіе на усерднаго и строгаго подвижника. Ему стали поручать разныя монастырскія службы, которыя онъ несъ съ великимъ послушаніемъ, и между прочимъ отправляли по дѣламъ обители въ отдаленныя страны. Такъ однажды приходилось ему бывать въ новопріобрѣтенной московской области на Бѣль-озерѣ. За свои путешествія туда преподобный Феорапонтъ хорошо успѣлъ ознакомиться съ нею и „зѣло возлюбилъ“.

Въ это время въ чудномъ видѣніи св. Кириллу Бѣлозерскому, жившему тогда на старомъ Симоновѣ на покоѣ, было указано идти на Бѣлоозеро и тамъ поселиться для пустынножительства. Преподобный Феорапонтъ, прибывъ съ Бѣлоозера, поспѣтилъ св. Кирилла. Между старцами единомышленниками завязалась бесѣда. Преподобный Феорапонтъ съ похвалою рассказывалъ объ удобствахъ отдаленныхъ бѣлозерскихъ странъ для пустынножительства, изобилующихъ лѣсами, озерами и рѣками. Согласились и оба вышли оставивъ Симоновъ монастырь. Послѣ немалыхъ поисковъ по обширной области Бѣлозерска, остановились на берегахъ Сиверскаго озера и здѣсь, водрузивъ св. крестъ и возблагодаривъ Бога и Пречистую Богородицу, приведшую ихъ сюда, дѣятельно принялись въ глухомъ лѣсу за устройство новаго мѣста обитанія.

Но святые отшельники вмѣстѣ жили недолго. Святой Феорапонтъ пожелалъ отдѣльно поселиться, въ особомъ мѣстѣ, о чемъ повѣдалъ своему спутнику, и получилъ отъ него благословеніе. Отойдя отъ Кирилловой пустыни верстъ 18 къ сѣверу, онъ установился межъ двухъ озеръ Паскимъ и Бородавскимъ на рѣчкѣ,

гдѣ и поселился среди первобытнаго лѣса. Обычно признають, что это происходило въ 1398 году, т. е. на другой годъ послѣ основанія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Выбранное мѣсто было „вельми красно“ и „угодно на жительство“ и хотя оно было „пустынно и лѣсно“, но для святаго старца „баше паче вѣхъ селеніихъ на земли“. Съ большою радостію принялся отшельникъ за устройство своего поселенія: поставилъ для себя „кеleyцу малу“, очистилъ вокругъ ея лѣсъ, обнесъ свою пустынную усадьбицу оградой для защиты. О пропитаніи приходилось озаботиться самому. Старецъ събѣ лѣсъ, приготавливалъ вырубленную мѣстность для подсѣки-гари, укладывая на ней сухія вѣтви и разнаго рода хворостъ и, все это выжегши, сбѣялъ хлѣбъ. Такъ появились вокругъ пустыни земледѣльческія угодья—пашни и луга, раздѣланныя руками св. старца-отшельника. Трудность борьбы съ дикою природою усложнялась другого рода препятствіями. Приходилось имѣть страхъ и опасеніе предъ звѣремъ. Недобрые люди также не разъ досаждали святому: нѣкоторые грозили смертію, выгоняя изъ занятаго мѣста, другіе нападали на него, требуя имущества и денегъ. Для отшельнической жизни въ дикомъ лѣсу, при суровости природы и людей, необходима была строгая выдержанность, которая давалась строгостію порядковъ, содержимыхъ въ общежительныхъ монастыряхъ, и поддерживалась неуклоннымъ выполненіемъ правилъ отшельничества. Святой Оерапонтъ былъ питомецъ Симонова монастыря, когда тамъ еще не ослабли первоначальные порядки и, поселившись одиноко въ пустынь, слѣдовалъ въ жизни неопустительно преданію св. отца: терпѣніе пріобрѣталъ молитвою, воздержность—постомъ, ночной сонъ прогонялъ бдѣніемъ въ пѣніи, помыслы вражіи и уныніе разсѣивалъ непрестанными трудами, и такъ преуспѣвалъ въ пустынномъ жительствоѣ. Но весь этотъ трудъ на пользу нравственнаго преуспѣянія, трудъ борьбы съ дикою природою и людьми поддерживался и воодушевлялся упованіемъ на помощь Божию и крѣпкою надеждою на заступленіе Пречистой Дѣвы, вѣра въ Которую на Руси особенно сильно оживилась и широко распространилась на переломѣ XIV и XV вѣковъ.

Скоро около одинокой отшельнической кельи святаго Оерапонта появились другія, выстроенныя прибывшими пустынниками. Всего собралось болѣе двадцати человекъ. Они склонили святаго старца устроить церковь, каковая была создана, съ разрѣшенія ростовскаго архіепископа, во имя Рождества Пречистой Богородицы, украшена иконами и снабжена книгами. Такъ изъ

пустынной кельи сталъ выростать монастырь. Теперь кельи расположились вокругъ церкви „двукровны и трикровны“. Братія продолжала коняться. Прибыль нѣкто изъ священниковъ. Преподобный принялъ его съ радостію, „вельми упокоилъ“ и велѣлъ совершать ему Божественную литургію, которую одни иноки безъ священника не могли пѣть. При церкви для службы образовался полный клиросъ — чтецы и пѣвцы. Устроеніе монастыря продолжалось. Велѣдъ за введеніемъ правильнаго дневнаго богослуженія „начаша обще ясти въ одной хранилѣ по уставу монастырскому“, т. е. появилась трапеза, а также и казна, гдѣ хранилось движимое монастырское имущество. Изъ братіи выдѣлились старцы служебники, которымъ вручены были разнаго рода дѣла обители. Наконецъ выбранъ былъ игуменъ. Самъ преподобный не былъ имъ, такъ какъ не имѣлъ священнаго сана необходимаго для этого. Теперь иначе стали относиться къ пустынножику мѣстные жители. Въ поселившемся старцѣ узнали святаго мужа, и нѣкоторые пожелали къ нему вступить на жителство въ братію. Такъ прибылъ изъ ближайшихъ деревень крестьянинъ, принятый въ монастырь по просьбѣ братіи и названный при постриженіи Григоріемъ. Онъ былъ весьма искусенъ въ рыбной ловлѣ, чѣмъ много послужилъ обители. Молва о вновь возникшей иноческой пустынѣ прошла далеко. Стали приходить изъ селъ и деревень многіе люди и вельможи, которые приносили съ собою или присылали немалыя милостыни на строеніе, службу церковную и на содержаніе братіи. Слухъ дошелъ до самого бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича, который благосклонно отнесся къ возникшему монастырю и отдалъ ему близъ лежація земли и озера во владѣніе. На появившейся земельной собственности вокругъ монастыря возникли крестьянскіе поселки. Такъ среди чернаго лѣсу образовалось человѣческое жилище.

Ферапонтовъ монастырь возникъ съ согласія и благословенія св. Кирилла и подъ его же руководствомъ онъ устроился. Это не разъ и съ особою настойчивостію отмѣчаетъ древній повѣствователь. Св. Кириллъ одобрилъ повѣданное ему преподобнымъ Ферапонтомъ желаніе отдѣльно поселиться на пустынножителство, съ любовью и благословеніемъ отпустилъ его и, когда узналъ объ избранномъ мѣстѣ, то похвалилъ его, такъ какъ самъ хорошо зналъ это мѣсто. Дружественныя отношенія между святыми пустынножиками продолжались также въ послѣдующее время. „Хождаше же святой (Ферапонтъ) на посѣщеніе и пользы ради къ преподобному Кириллу о келейномъ жителствѣ и о

церковномъ иѣннїи... и уставъ жительствова бѣше отъ него прїемля“. Поэтому понятно, что внутренніе порядки обѣихъ бѣлозерскихъ обитателей были одинаковы и древній жизнеописатель не различаетъ ихъ, сказавъ, что оба монастыря имѣютъ одинъ чинъ и начало.

Правила о жительствѣ братїи Оерапонтова монастыря касаются поведенїя иноковъ церкви, на трапезѣ, въ кельи и говорятъ о трудахъ братїи на пользу иноческой общины. Въ церковь иноки являлись благопрїстойно и своевременно; стояли за службою со многимъ вниманїемъ и молча, не бесѣдуя другъ съ другомъ. Пили и ѣли на трапезѣ въ установленное время и оттуда къ себѣ въ кельи ничего не выносили; только больнымъ дозволялось вкушать у себя въ кельѣ. Молитва и безмолвіе по кельямъ велось „со всякимъ утвержденїемъ“. Кромѣ иконъ и книгъ „Божественнаго ради иѣннїа“ и необходимыхъ орудїй для рукодѣлїя, въ кельяхъ ничего нельзя было держать. Все сдѣланное относилось въ казну, гдѣ хранились разные предметы и припасы, необходимыя на монастырскую потребу. Трудъ являлся непремѣнною обязанностию инока, такъ что все въ монастырѣ исполнялось самою братїею безъ помощи „мірскаго чада“. „Ини книги пишутъ, друзїи книгамъ учатся, ини сѣти плетутъ на рыбныя ловленїя, друзїи кельи дѣлаютъ, дрова въ мегерницу (поварню) и въ хлѣбню и въ трапезу и воду носяще, хлѣбы и варенїя приготавлиюще“. Въ силу такихъ порядковъ нравственная жизнь иночествующихъ, прямая цѣль монастырей, стояла на высокой степенїи. „Велику же и чистоту тѣлесную и душевную имѣяху: день и ночь въ безмолвіи со смиренїемъ Бога ради труждающесе, другъ другу повинующесе, съ любовїю растворенною созидающе (свое спасенїе); выну небесныя обители духомъ горяще, Богу работающе постомъ и молитвами, со многимъ воздержанїемъ нищету духовную гоняще“. Изобразивъ такую картину иноческой жизни, древній повѣствователь прибавляетъ: „понеже велику теплоту и радѣнїе имѣютъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, наипаче еже по Бозѣ“.

Свѣдѣнїя о дѣятельности святаго Оерапонта были записаны болѣе чѣмъ чрезъ сто лѣтъ по его кончинѣ. Поэтому понятно, что древній повѣствователь о первоначальныхъ судьбахъ Оерапонтовой пустыни говоритъ слишкомъ обще. Однако время не могло изгладить въ благоговѣйной памяти людей двухъ особенностей, въ которыхъ проявилось личное участїе святаго Оерапонта въ устроенїи созданной имъ пустыни. Онѣ для насъ очень драгоцѣнны, мы поэтому должны ихъ отмѣтить.

Первая изъ нихъ — постоянный и упорный трудъ святаго. Когда онъ выходилъ изъ келліи бралъ обычно съ собою „сѣчиво и котыгу“ и съ ними трудился „по вся дни“ зѣло много, часто даже ночью. За нимъ слѣдовала и братія. Это указываетъ, что въ сравненіи съ Кирилловымъ Өерапонтовъ монастырь былъ проще, сѣрѣе: Кирилловъ скоро возвысился до большого монастыря, а Өерапонтовъ надолго остался небольшою пустынью, собиравшей въ свою ограду людей, болѣе пекущихся о душевномъ устроеніи, чѣмъ о богатствѣ своей обители. Вторая особенность — то, что святой Өерапонтъ не былъ игуменомъ монастыря, имъ созданнаго. Но чтобы быть игуменомъ, нужно было быть священникомъ, а святой не зналъ грамоты, безъ которой священнику не обойтись. Такимъ образомъ положеніе святаго въ его монастырѣ было особенное: онъ не былъ лицомъ, вѣдавшимъ всѣ духовныя и административно-хозяйственныя дѣла. Его положеніе покоилось на преобладающихъ трудахъ въ пользу обители и на нравственномъ обаяніи его святой личности. Это былъ строитель монастыря въ духовномъ и хозяйственномъ отношеніи, душа обители, созидавшая ее. „Слово его бяше сладко всѣмъ, божественною солію растворяемо, сирѣчь, благодатію“. Поэтому вся братія приходила къ нему поучиться и получала отъ сего великую пользу и утѣшеніе.

Преподобный Өерапонтъ устроилъ бѣлозерскую обитель около шести лѣтъ, съ 1398 года по 1406-й. Случилось быть въ пустынѣ намѣстнику бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича и онъ вступилъ въ разговоръ съ преподобнымъ „о душевныхъ вещахъ и тѣлесныхъ потребахъ“. Беседа такъ плѣнила княжескаго намѣстника, что онъ весьма расположился къ обители и, когда прибылъ къ своему господину, то съ большою похвалою разеказалъ ему о пустынникѣ, создавшемъ новый монастырь. Тогда князь рѣшилъ вызвать святаго старца къ себѣ, чтобы онъ около Можайска устроилъ монастырь. Только послѣ многихъ просьбъ, бывшихъ не безъ принужденія, святой рѣшился оставить бѣлозерскую обитель и, поселившись около Можайска, стольнаго города князя Андрея, занялся устройствомъ Можайскаго Лужецкаго монастыря во имя Рождества Пречистой Богородицы, существующаго до нынѣ, гдѣ и почилъ блаженно 27 мая 1426 года, когда и чтится его память.

Съ отшествіемъ святаго Өерапонта съ Бѣлозерска въ Можайскъ, свѣдѣнія о монастырѣ его прекращаются до времени, когда сюда прибылъ преподобный Мартиніанъ Бѣлозерскій. Дѣятельность этого святаго мужа подняла захудалую было обитель,

такъ что трудамъ его Терапонтовъ монастырь обязанъ лучшею страницей въ своей исторіи: около святаго Мартиніана сбирался кружокъ лицъ, преданныхъ духовно-нравственному самоусовершенствованію; тогда кладутся прочныя основы матеріальному и общественно-государственному положенію монастыря. Значеніе этой дѣятельности было столь важно, что монастырь Терапонтовъ назывался нѣкоторое время Мартиніановымъ и мы съ полнымъ правомъ можемъ повторить за древнимъ повѣствованіемъ: „служителя того крѣпка Пречистѣй Богородицы Матери Своей постави Ея святыми молитвами“.

Святой Мартиніанъ, по своему происхожденію, былъ крестьянинъ села Сямы Вологодскаго уѣзда. Еще отрокомъ, бывшемъ въ „разумѣ и ученіи грамотномъ“, родственники привели его въ монастырь къ св. Кириллу Бѣлозерскому. Мальчикъ пораженъ былъ видомъ св. старца и палъ предъ нимъ на колѣни, прося: „возми меня, господине, къ себѣ“. Это тронуло старца. „Въ та времена, пишетъ далѣе повѣствователь, прилучися близъ обители святаго человекъ нѣкій живяше, имя ему Алеша Павловъ, діакъ монастырскій. Дѣло его бяше книги писати и учити ученики грамотныя хитрости, зѣло искусенъ сый таковому художеству“. Призвавъ этого дьяка, святой Кириллъ отдалъ отрока ему въ наученіе грамотѣ, прося сохранить его, какъ зѣницу ока, въ великой чистотѣ. И съ благословенія святаго началось обученіе. Мальчикъ былъ способный и быстро усвоилъ „грамотную хитрость“, такъ что все дивились скорому ученію. Тщательно испытавъ, святой Кириллъ велѣлъ юному послушнику „книгамъ научатися“, а векорѣ потомъ, убѣдившись въ его высокихъ нравственныхъ качествахъ, постригъ въ иноки и такъ изъ Михаила сталъ Мартиніанъ. Юнаго инока святой Кириллъ сдѣлалъ своимъ ученикомъ и велѣлъ ему жить у себя въ келліи. Мартиніанъ оказался ревностнымъ ученикомъ своего старца, такъ что послѣднему приходилось ограничивать пылъ юношескій въ монастырскихъ подвигахъ. Смотри на него, старецъ не разъ говаривалъ братіи, что изъ его любимаго ученика выйдетъ искусный инокъ. Когда онъ подросъ, святой сталъ его посылать на послушаніе въ хлѣбню и поварню и онъ все дѣлалъ съ одинаковою охотою—воду носилъ, дрова сѣкъ и хлѣбы по братіямъ разносилъ на службы. За все это время святой держалъ Мартиніана у себя, а когда же убѣдился, что онъ можетъ жить одинъ, отпустилъ съ благословеніемъ въ особую келью жить, какъ и прочая братія. Строго-подвижническое направленіе жизни сохранилось и здѣсь. Затѣмъ онъ, какъ знающій грамоту, былъ

опредѣленъ на клиросъ и затѣмъ, сдѣланъ діакономъ для службы въ соборной церкви. Изъ послушаній святой Кириллъ назначилъ ему писаніе книгъ, въ чемъ онъ былъ весьма искусенъ. Высокая жизнь и успѣхи возбудили въ нѣкоторыхъ изъ братіи зависть, но Мартиніанъ жилъ, желая всею быть пріятнымъ. Когда же святой Кириллъ скончался, онъ оставилъ монастырь чтобы предаться безмолвію въ какой либо глухой пустыни безъ посторонней помѣхи.

Изъ мѣста своего постриженія преподобный Мартиніанъ вынесъ полную опытность въ иноческой жизни и горячую ревность слѣдовать стопамъ святаго Кирилла, доброе жительство котораго, какъ хартію, носилъ въ своемъ сердцѣ и какъ бы по нѣкоей лѣстницѣ поднимался по ней въ дѣлѣ самоусовершенствованія. Мѣстомъ своего поселенія святой отшельникъ, дѣйствительно, избралъ пустыню—небольшой островъ озера Воже—и здѣсь началъ свою жизнь. Скоро присоединились къ нему другіе отшельники. Была построена церковь во имя Преображенія Господня. Такъ возникъ новый пустынный монастырь. Но въ немъ св. Мартиніанъ оставался не долго. Братія Оерапонтова монастыря во главѣ съ игуменомъ упросили его переселиться въ свою обитель.

Къ радости братіи онъ согласился и прибылъ въ Оерапонтовъ монастырь еще до кончины бѣлозерскаго князя Андрея Дмитриевича (1432 г.). Братія звала его къ себѣ, какъ знаменитаго и строгаго подвижника, и онъ, прибывъ, съ ревностію принялся за устроеніе церковной службы и устава червеческаго жительства, такъ что его возлюбили за образцовую жизнь, какъ своего „домашняго строителя и домоводца истинна“. Скоро игумень оставилъ настоятельство въ монастырѣ. На его мѣсто единодушно братія избрала святаго Мартиніана и била челомъ князю бѣлозерскому, чтобы онъ призналъ его игуменомъ. Новоизбранный настоятель хорошо былъ извѣстенъ князю, а поэтому, когда явился къ нему, то не только былъ допущенъ на игуменство, но получилъ на обитель вклады и грамоты. Теперь предъ нимъ открылся широкій путь для устройства иноческаго жительства. Порядки обители святаго Кирилла были водворены во всей полнотѣ. Строгость жизни привлекла въ пустыни многихъ. Одни приходили побесѣдовать съ свитымъ Мартиніаномъ, а другіе, чтобы съ нимъ сожительствовать. Прибывали изъ другихъ монастырей, или нѣкоторые и мірскіе люди, желающіе постричься. Братія умножалась. Такъ шло до 1448 года.

Сѣверные повѣствователи любятъ разсказывать о событіяхъ, послѣдовавшихъ за ослѣпленіемъ великаго князя Василія Васильевича. Сѣверъ, открыто перейдя на сторону низложеннаго великаго князя, когда Москва и ея сосѣдніе города еще колебались, оказалъ величайшую услугу государству. Прибывъ изъ Углича на Вологду, Василій Темный недолго здѣсь оставался, и поѣхалъ со всею семьею молиться по сѣвернымъ монастырямъ. Здѣсь его вездѣ встрѣчали, какъ великаго князя и открыто вступили въ число его приверженцевъ, побуждая идти въ Москву за отнятымъ столомъ. Изъ Кириллова монастыря, ставшаго во главѣ этого движенія, великій князь заѣхалъ въ Оеранонтовъ монастырь со всеми своими воинами. Игуменъ вышелъ встрѣтить высокаго богомольца со всею братією за монастырь, принялъ съ великою честью и радостію. Князь, прослушавъ богослуженіе, по обычаю древнихъ, накормилъ (учредилъ) братію. Игуменъ, провожая воодушевлялъ князя идти противъ врага и благословилъ его на это дѣло. Личность игумена Мартиніана произвела сильное впечатлѣніе на опальнаго государя и, когда онъ вступилъ благополучно въ наслѣдіе своихъ предковъ, вспомнилъ о оеранонтовскомъ игуменѣ и вызвалъ его настоятелемъ въ Сергіевъ монастырь къ Троицѣ.

Здѣсь святой Мартиніанъ показалъ себя крѣпкимъ поборникомъ преданій святаго Кирилла. Строгость монастырской жизни поддерживалъ во всей силѣ. Обстоятельства заставили строгаго подвижника принимать участіе въ дѣлахъ государственныхъ. По прибытіи на игуменство къ Живоначальной Троицѣ, онъ сталъ духовникомъ великаго князя, который его много уважалъ. Случилось, что одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ князя отѣхалъ въ Тверь. Это сильно огорчило государя и онъ обратился къ посредничеству сергіевского игумена, своего духовнаго отца, обѣщая отѣхавшему боярину возвратить старое положеніе при себѣ. Но когда тотъ, положившись на св. Мартиніана, прибылъ въ Москву, великій князь въ гнѣвѣ велѣлъ схватить его и окованнаго бросить въ темницу. Родные обратились къ преподобному Мартиніану. Онъ съ горечью узналъ о случившемся и не медля верхомъ на конѣ отправился въ Москву. Войдя къ великому князю старецъ безбоязненно обличилъ его за измѣну въ словѣ и въ заключеніе сказалъ: „не буди меня грѣшнаго благословенія на тебѣ и на твоёмъ великомъ княженіи“, послѣшнью вышелъ и уѣхалъ въ свой монастырь. Князь былъ пораженъ неожиданнымъ обличеніемъ и понялъ свою неправду. На зовъ явились бояре, которымъ князь разсказалъ, какъ его „чернецъ

болотный“ въ его дворцѣ изобличилъ. По желанію князя, поѣхали все съ нимъ къ Троицѣ. Опальный же бояринъ былъ прощенъ и ему было возвращено его прежнее положеніе и богатство. Игуменъ съ братією вышелъ изъ монастыря встрѣтить высокихъ гостей и принялъ ихъ со всею радушіемъ. Князь, покормивъ братію, возвратился домой, а св. Мартиніана съ этого времени сталъ чтить еще больше.

У Живоначальной Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ св. Мартиніанъ игуменствовалъ около восьми лѣтъ (1448—1455 г.). Старость приближалась и святому захотѣлось возвратиться въ Оерапонтовъ монастырь, оставленный имъ не вполне еще устроеннымъ. Сергіевская братія удерживала старца у себя, но онъ рѣшилъ оставить игуменство. Собравъ братію, въ послѣдній разъ далъ ей наставленіе и, поклонившись Св. Троицѣ и гробу св. Сергія, удалился въ бѣлозерскіе края.

Здѣсь братія Оерапонтова монастыря во главѣ съ игуменомъ съ радостію встрѣтила строгаго подвижника и просила его принять на себя въ монастырѣ строительство, на что, послѣ многихъ просьбъ, святой наконецъ согласился. Трудно опредѣлить, въ чемъ состояли обязанности строителя при игуменѣ, но они давали, какъ можно полагать, широкую возможность работать на пользу обители. Въ кругъ этихъ обязанностей входили какъ заботы о хозяйственномъ, такъ и духовномъ процвѣтаніи монастыря. Такъ св. Мартиніанъ, не будучи игуменомъ, имѣлъ попеченіе „о благолѣпнн соборномъ, о устроеніи монастырскомъ и еже къ братству крѣпости“, заимствуя потребное то изъ устава Кириллова монастыря, то изъ устава Сергіева монастыря. Своихъ заботъ о монастырѣ старецъ не оставлялъ до самой кончины и былъ всегда во всемъ живымъ образцомъ для иноковъ. Въ послѣднее время не могъ самъ ходить на соборное пѣніе, такъ что его туда носили на рукахъ. Когда же увидаль, что въ конецъ изнемогаетъ отъ старости, призвалъ къ себѣ игумена и братію, всѣхъ съ нимъ Богу работающихъ по своей силѣ, и предъ всеми заповѣдалъ игумену съ братією сохранять преданіе и чинъ обители во всемъ, не разоряя ничего отъ монастырскаго устава, изстари содержимаго. Скончался св. Мартиніанъ въ глубокой старости, пробывъ въ иночествѣ болѣе семидесяти лѣтъ, въ 1483 году, въ воскресенье, 12 января, когда и чтится его память на преставленіе.

Св. Мартиніанъ былъ сильною личностію, исполненною благодати. Поэтому понятно, что около его образовался кружокъ лицъ, частію единомышленниковъ его, а частію учениковъ. Это

было уже подмѣчено встарину. „Мнози отъ нѣдръ онѣхъ, говоритъ древній повѣствователь, преподобныхъ отецъ (т. е. св. Оерапонта и св. Мартиніана) епископи изыдоша, мнози игумены и учителіе и наставники общимъ житіямъ... мнози ученицы и братія и отцы ихъ прозорливи быша, и мнози Божія благодати исполнени и райскія нищи сподобихася“. Здѣсь, конечно, главное значеніе принадлежитъ св. Мартиніану, святой Оерапонтъ былъ въ монастырѣ недолго (1398 — 1406 г.) и упоминаютъ здѣсь какъ основатель обители.

Ко времени жизни св. Мартиніана относятся подвиги его ученика блаженнаго Гелактіона, избравшаго путемъ ко спасенію юродство. Когда постигла св. Мартиніана старость и соединенные съ нею недуги, этотъ юродивый носилъ его на соборную службу. Три извѣстія сохранились о немъ отъ древности. Выстроили Новую трапезу и удивлялись ея красотѣ, а блаженный къ изумленію братіи сказалъ: „добра, добра да недолговѣчна“. И вотъ на другой день загорѣлась келья нѣкоего брата, огонь быстро распространился по монастырю. Игумень Гоасафъ, затѣмъ архіепископъ ростовскій, сильно тужилъ, опасаясь за хранившуюся въ его кельѣ драгоценность. „Бога гнѣваешь скорбѣя“, укорялъ его юродивый. Оправдываясь игумень сказалъ: „не для себя ее сохранилъ, а ради монастырскія нужды“ и разсказалъ юродивому, гдѣ ее найти. Тотъ, оградившись крестнымъ знаменіемъ, стремительно бросился въ горѣвшую келью и вынесъ оттуда сокровище со словами: „вотъ не тужи: о худомъ дѣлѣ скорбишь“. Огонь до конца истребилъ трапезу и опасность угрожала звонницѣ. Братія рѣшила съечь ее, чтобы спасти колокола. Юродивый не допустилъ до этого, говоря, что огонь не коснется. Такъ и было. Нѣкій старецъ державшій игуменство послѣ болѣе 20 лѣтъ, впалъ въ уныніе и хотѣлъ даже оставить обитель Пречистыя Богородицы. Юродивый, бывший учителемъ впаваго въ уныніе брата, пришелъ и, сѣвъ на порогъ кельи, сказалъ: „что, братъ, задумалъ врага послушать? Нельзя избѣжать искушеній его: отъ насъ уйдешь, но отъ его лукавства никуда не уйдешь“. Пришло время отойти ко Господу; юродивый сильно разболѣлся. Братъ просфорникъ, бывший ему собесѣдникъ, постриженникъ Симонова монастыря, по имени Савватій, пришелъ посѣтить болящаго и сильно скорбѣлъ о его болѣзни. Но блаженный Гелактіонъ сказалъ: „не скорби, отойду въ восьмой день и ты за мной пойдешь“. Такъ и случилось. Разболѣлся и Савватій и въ восьмой день тоже отошелъ ко Господу.

Постриженниками св. Мартиніана были Филоеѣй, епископъ волгодскій и великопермскій (1471—1501 г.) и Іоасафъ, архіепископъ ростовскій, ярославскій и бѣлозерскій (1481—1488 г.). Послѣдній происходилъ изъ князей Оболенскихъ. Оба они были игуменами Терапонтова монастыря и оба, возлюбивъ мѣсто своего постриженія, оставили свои владычныя кафедры, чтобы остатокъ дней посвятить безъ препятствія любомудрiю въ отдаленной пустынѣ. Епископъ Филоеѣй пермскій оставилъ епископію и прибылъ сначала въ Кирилловъ монастырь въ апрѣлѣ 1501 года и затѣмъ переселился въ Терапонтвъ и тамъ скончался 2 октября 1507 г. Владыка же Іоасафъ жилъ болѣе долгое время на покоѣ въ мѣстѣ своего постриженія (1488—1513 г.), а именно болѣе пятнадцати лѣтъ. Имъ 1489 году въ монастырской вотчинѣ на Бородавѣ устроена церковь во имя Положенія ризъ Пречистой Богородицы.

Единовременно съ владыками Филоеѣемъ и Іоасафомъ здѣсь же находился кievскій митрополитъ грекъ Спиридонъ. Пребываніе въ бѣлозерскихъ пустыняхъ, славившихся въ то время строгостію пустынножителей, грековъ не было исключительнымъ явленіемъ. Извѣстны и другіе греки, которые мѣстомъ своихъ иноческихъ подвиговъ выбрали бѣлозерскіе края. Къ митрополиту Спиридону обратился игумень Соловецкаго монастыря Досіеѣй съ просьбою, чтобы тотъ на основаніи безхитростныхъ записокъ о жизни и подвигахъ начальниковъ соловецкихъ, Зосимы и Савватія, составилъ житіе ихъ, которое мы теперь читаемъ, въ нашихъ печатныхъ четьяхъ-минеехъ. Дальнѣйшая судьба митрополита Спиридона неизвѣстна, какъ равно и поводы, приведшіе его въ Терапонтвъ монастырь.

Во дни св. Мартиніана постригся въ Терапонтвовомъ монастырѣ и подвизался преподобный Кассіанъ, грекъ, изъ рода князей Морейскихъ (Мангунскихъ). Въ концѣ XV вѣка онъ оставилъ мѣсто своего постриженія и основалъ въ 23 верстахъ около г. Углича при впаденіи рѣчки Уchemy въ Волгу монастырь во имя Успенія Пречистой Богородицы. Преп. Кассіанъ блаженно почилъ 2 октября 1504 года.

Во время волненій, вызванныхъ расторгненіемъ первого и заключеніемъ второго брака великаго князя Василія Ивановича, откликнулся на злобу дня и Терапонтвъ монастырь въ лицѣ своего старца Паисія, написавшаго по этому поводу посланіе къ великому князю.

Такимъ образомъ отдаленная пустыня, благодаря дѣятельности св. Мартиніана, сумѣла сосредоточить въ себѣ довольно

обширный кругъ людей, изъ которыхъ шесть человѣкъ оставили свои имена на страницахъ исторіи.

Общественно-государственное положеніе Оерапонтова монастыря, въ основныхъ своихъ началахъ, вполне выяснилось въ XV вѣкѣ. Когда прибылъ на берега Паскаго и Бородавскаго озеръ преполобный Оерапонтъ, здѣсь все кругомъ было пустынно. Необходимыя для содержанія монастыря вотчины находились вдали отъ обители. Но къ половинѣ вѣка монастырь былъ уже окруженъ многими поселками. Жалованныя грамоты утвердили за монастыремъ право суда надъ людьми, населившими монастырскую вотчину, освободивъ ихъ отъ подсудности помѣстнымъ властямъ. Во вновь населенныхъ мѣстахъ появились церкви, необходимый спутникъ русскаго человѣка. По монастырскимъ вотчинамъ, кромѣ Бородаевской церкви, въ началѣ XVI вѣка существовали уже церкви: св. пр. Иліи на Цыпинѣ, Зачатія Пречистыя Богородицы въ Раменьѣ, св. Николая чудотворца на Кленовѣ, Богоявленія на Козохтѣ, св. Петра на рѣкѣ Суслѣ въ пустынѣ, св. же Петра на Ситкѣ. Отсюда ясно значеніе монастыря въ содѣйствіи церкви и государству по устроенію Русской земли.

Блестящіе дни Оерапонтова монастыря закончились прославленіемъ памяти его строителей св. Оерапонта и св. Мартиніана. Когда копали могилу для архіепископа Іоасафа, пожелавшаго лечь своимъ тѣломъ до всеобщаго воскресенія вмѣстѣ съ своимъ учителемъ преп. Мартиніаномъ, наткнулись на гробъ святаго, а въ немъ обрѣли его мощи нетлѣнными. Это было въ 1513 г. 7 октября. Но церковнаго открытія мощей для всеобщаго поклоненія не было сдѣлано, почему, вѣроятно, св. мощи опять были положены въ гробницу, въ которой онѣ и нынѣ пребываютъ подъ спудомъ. Когда митрополитъ Макарій предпринялъ общую канонизацію мѣстно-чтимыхъ на Руси святыхъ, житія Оерапонтовскихъ преподобныхъ на соборъ не были представлены. Поэтому разрѣшеніе пѣть и праздновать имъ послѣдовало не на соборѣ 1547 года, а на послѣдующемъ 1549 года соборѣ при архіепископѣ Алексіѣ ростовскомъ, и при епископахъ: Діонисіѣ рязанскомъ, Макаріѣ тверскомъ, Θεодосіѣ коломенскомъ, Саввѣ сарскомъ, Кирианѣ пермскомъ и при многихъ архимандритахъ, игуменахъ и старцахъ. Житіе, подвергшееся разсмотрѣнію освященнаго собора, было составлено іеромонахомъ Кириллова монастыря Матѳеемъ, бывшимъ первоначально священникомъ при Цыпинской церкви Оерапонтова монастыря, очевидцемъ многихъ чудесъ, бывшихъ при обрѣтеніи мощей св. Мартиніана.

Съ половины XVI вѣка для Терапонтова монастыря начинаются сѣрые будничные дни. Однообразное теченіе ихъ было прервано въ началѣ XVII вѣка волненіями смутнаго времени, когда Терапонтвъ монастырь былъ (въ 1614 г.) разграбленъ казаками и черкесами. Этими будничными днями такъ и закончилось бы существованіе Терапонтовой пустыни, если бы во второй половинѣ XVII вѣка не произошло обстоятельство, которое привлекло къ бѣлозерской пустынѣ вниманіе всѣхъ людей московскаго государства и увѣковѣчило ее навсегда въ исторіи русскаго народа. Здѣсь провелъ въ невольномъ заточеніи святѣйшій патріархъ Никонъ девять лѣтъ, сосланный сюда по опредѣленію московскаго собора 1666 года.

Низложенный патріархъ былъ привезенъ въ монастырь на разсвѣтъ 21 декабря подъ сильную стражею стрѣльцовъ въ сопровожденіи пристава Аггея Шенелева и нижегородскаго печерскаго архимандрита Іосифа. Вмѣстѣ съ Никономъ на добровольное заключеніе прибыли изъ Воскресенскаго монастыря два іеромонаха Памва и Палладій, два іеродиаконъ Іоасафъ и Маркеллъ, старецъ Флавіанъ и два бѣльца дьяки изъ патріаршихъ селъ — Гераська Матвѣевъ и Инатко Михайловъ, всего семь человѣкъ.

Предъ прибытіемъ ссыльнаго патріарха, Терапонтвъ монастырь выгорѣлъ; огонь истребилъ братскія кельи и ограду. Пришлося Никону со свитою помѣстить за монастыремъ въ братскія больничныя кельи „смердныя и закоптѣлыя, еже и изрещи неудобно“.

Кельи постоянно охранялись двадцатью стрѣльцами во главѣ съ сотникомъ. Новый приставъ дворянинъ Степанъ Наумовъ (съ 19 января 1667 г.) продолжалъ также строго держать узника. „Свѣтъ келейный у меня отнялъ, писалъ Никонъ въ жалобѣ царю, окна заковалъ желѣзными крестами, такъ что и днемъ приходилось отправлять келейное правило съ лучиной, а изъ кельи не велѣлъ никому ни ходить, и въ келью и близъ кельи проходить и подавать никому не велѣлъ, и такъ морилъ меня съ моими келейными старцами“. Изъ нихъ четверо — іеромонахъ Палладій, іеродиаконъ Іоасафъ и оба бѣльца не выдержали тягости заключенія и по челобитной были уволены въ Воскресенскій монастырь.

Разсказы ихъ обратили вниманіе правительства на бѣдственное положеніе Никона. Въ іюлѣ 1667 года съ Москвы былъ посланъ для дознанія стряпчій Иванъ Образцовъ, привезшій отъ царя Никону большую денежную царскую милостыню. За самоуправство приставъ Наумовъ онъ посадилъ его подъ арестъ часа

на три. Тотъ попросилъ у Никона прощенія, оправдываясь, что онъ человѣкъ подневольный, дѣлалъ, какъ приказывали и на время отношенія между приставомъ и Никономъ уладились, такъ что потомъ они часто бесѣдовали другъ съ другомъ и вступали въ откровенные разговоры. Илучилось и матеріальное положеніе ссыльныхъ. Еще въ день пріѣзда Никона игумень монастыря Аванасій и келарь Макарій Злобинъ съ братією въ челобитной писали царю: „нынѣ присланъ къ намъ бывшій патріархъ Никонъ, а указу намъ нѣтъ, какова ему пища давать; а монастырь у насъ бѣдный и скудный, и погорѣлъ безостатку, и келейнымъ покоемъ стѣсненіе великое, и хлѣбу недородъ—вызѣлъ весь; а крестьянъ твоего жалованья за монастыремъ 321 дворъ, и то въ разныхъ городахъ“. Вслѣдствіе этого содержаніе было возложено на Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, власти котораго царскимъ указомъ обязывались присылать все, что ни потребуется для Никона—хлѣбные и съѣстные припасы, одежду, обувь, разную посуду, мебель, свѣчи, а также рабочихъ людей и слугъ. Для рыбнаго продовольствія отдано было Никону во владѣніе подмонастырное озеро Бородаевское и дозволено было на Шекснѣ въ Бородаевской волости ловить красную рыбу стерлядей и осетровъ. А къ лѣту 1668 года были выстроены новыя кельи кирилловскими плотниками. Въ началѣ 1668 года патріархъ устраивалъ отведенную для него надвратную монастырскую церковь Богоявленія Господня. Разбѣжавшаяся было свита его опять стала увеличиваться и простерлась даже до десяти человѣкъ, которые и выполняли всѣ обязанности при заключенномъ. „А братія его, писалъ царю приставъ Наумовъ, съ нимъ живущая въ кельи—священники, діаконы и клирошане, всякую келейную работу ему работаютъ, кельи нагрѣвають, и варятъ, и обшиваютъ; а Ѳерапонтова монастыря слугъ и поваровъ по сіе время въ келью къ себѣ не имывали, тружается самъ съ братією, и келейный обиходъ кромѣ хлѣба временемъ покупаючи ѣсть“. Доступъ къ заключенному патріарху сталъ свободенъ для всѣхъ, даже постороннихъ лицъ. Мѣстное населеніе теперь имѣло возможность открыто заявить свое сочувствіе опальному патріарху. Многіе начинали приходять къ нему съ поклономъ—власти и простые люди. Явился земскій староста (голова) съ Бѣлозера и съ Каргополя голова кружечнаго двора; игумень Воскресенскаго монастыря, изъ Горицъ Марфа. Архимандритъ Іосифъ Новоспасскій, заступившій мѣсто архимандрита Іосифа Нижегородскаго, и Ѳерапонтовскій игумень Аванасій стали открыто величать Никона патріархомъ и позволили такъ его именовать даже на

эктеніяхъ. Надежды оживились. Аванасій, митрополитъ иконійскій, не сочувствовавшій осужденію Никона, завязалъ съ нимъ сношенія и сообщилъ ему о сочувствіи къ его положенію константинопольскаго патріарха Парвенія, которое выразилось письмомъ къ царю отъ 15 мая 1668 года, въ которомъ онъ просилъ царя объ облегченіи участи Никона. Но враги Никона не желали, чтобы заточеніе его ослабло и они, воспользовавшись ложнымъ обвиненіемъ Никона въ сочувствіи начинающемуся движенію поволжскихъ казаковъ, устроили, что опять изъ ложной предосторожности его стали держать въ строгомъ заключеніи и къ нему перестали допускать постороннихъ лицъ, даже съ Москвы въ подкрѣпленіе прежнимъ были присланы новые стрѣльцы. Когда 15 іюня 1671 года вмѣсто стараго пристава вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей новый, стольникъ князь Самойло Никитичъ Шайсуновъ, на первыхъ порахъ шло все по старому. Положеніе, дѣйствительно, было трудное. „Со всякой нужды келейной и недостатковъ оцнжалъ, писалъ Никонъ царю, руки болны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и они не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго; ноги пухнуть и потому не могу церковнаго правила править; а пошъ у меня одинъ и тотъ слабъ, говорить по книгамъ не видитъ“. Приставъ князь Шуйсуновъ подтвердилъ справедливость этихъ жалобъ и кромѣ того еще прибавилъ: „для всякой работы и послушанія тутешнимъ работникамъ быть у него не мочно потому что, государь, отъ тутешнихъ людей въ кельѣ въ денежной его казнѣ и въ судахъ многая поруха чинится и пропажа... а хлѣбъ по нуждѣ печетъ и ѣствы варигъ онъ монахъ Никонъ про себя самъ“. Тяжесть положенія усиливалась недоброжелательствомъ властей Оеранонтова монастыря. Никонъ сознавалъ тяготу Оеранонтова монастыря и своими силами старался облегчить ее, однако оеранонтовскія власти, игуменъ, келарь и казначей заподозрѣнные въ сочувствіи расколу, къ заключенному относились недружелюбно и всячески его обсчитывали, стараясь не додавать присылаемыхъ на его содержаніе изъ бѣлозерскихъ монастырей припасовъ.

Тогда Никонъ рѣшилъ 25 декабря 1671 года отправить своего келейнаго старца іеродіакона Мардарія съ просьбою къ царю, въ которой писалъ: „прошу тебя, ослаби ми мало“. Письмо произвело на добраго государя сильное впечатлѣніе. Съ этого времени до конца своей жизни царь непрестанно относился милостиво и покровительственно къ оеранонтовскому заточнику, не

смотря на неослабѣвающіе происки его враговъ. Число монастырей, несшихъ на себѣ содержаніе Никона, увеличилось. Кромѣ Кирилло-Бѣлозерскаго съ приписными Никитскимъ и Ворбозомскимъ и бѣлозерскихъ монастырей Усть-Шехонскаго Троицкаго и Новозерскаго, еще были присоединены вологодскіе Спасо-Каменный и Прилудскій. Сначала содержаніе отъ нихъ шло натурою, а потомъ деньгами. Келейные старцы Никона получили возможность безпрепятственно выходить. Самое число ихъ увеличилось, а работныхъ людей и служекъ иногда бывало до 20. Подъ охраною стрѣльцовъ дозволяли выходить и самому заточнику, такъ что онъ разъ ѣздилъ въ Нило-Сорекую пустыню на богомолье, а другой—на Шексну посмотрѣть своихъ бородавскихъ ловель. Свободное время отъ хозяйственныхъ заботъ и отъ домашняго келейнаго правила, Никонъ употреблялъ на лечение стекающагося отовсюду къ нему народа. Въ день бывало по сорокъ человекъ и больше. Пользовалось леченіемъ не только мѣстное населеніе уѣзда, приходили изъ сосѣднихъ губерній Ярославской, Вологодской, Олонецкой и другихъ. Для покупки лекарствъ одинъ изъ старцевъ Никона отправлялся въ Москву. Надъ властями ееропонтовскими было произведено слѣдствіе и изъ нихъ игумень и келарь, боясь неминуемаго осужденія за злоупотребленія, тайно убѣжали изъ монастыря и такъ пропали безъ вѣсти. Наконецъ, Никонъ приступилъ къ постройкѣ новаго помѣщенія для себя. Были выстроены кельи о 25-ти жильяхъ, изъ которыхъ переходы вели прямо въ Богоявленскую церковь.

Но ни на что не пришлось воспользоваться вздохнувшему свободно заточнику. Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ въ ночь на 30-е января 1676 года скончался. Друзья Никона были отъсѣяны отъ престола, а ихъ мѣсто заняли его враги. Началось слѣдствіе по дѣлу Никона, дана была вѣра всѣмъ обвиненіямъ противъ его и вотъ новымъ соборнымъ приговоромъ отъ 15 мая 1676 года рѣшено было перевести его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, какъ въ болѣе безопасное мѣсто для заключенія. Чтобы привести въ исполненіе соборное постановленіе отправлены были на Бѣлозеро чудовскій архимандритъ Павелъ и думный дворянинъ И. Аѳ. Желябужскій и съ ними два дьяка. 4 іюня Никонъ былъ вызванъ въ монастырскій соборъ послѣ обѣдни, былъ допрошенъ здѣсь по обвинительному списку, было ему объявлено соборное рѣшеніе и въ тотъ же день былъ перевезенъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ и томился въ строгомъ заключеніи послѣдніе пять лѣтъ ссылки.

Послѣ отбытія патріарха Никова, Оерапонтовъ монастырь совсѣмъ захудаль. Ничто не разнообразило его сѣрыхъ дней. Монастырскіе штаты 1764 года не прекратили его существованія, но онъ недолго послѣ этого оставался: въ 1798 году, указомъ императора Павла I, за скудостію средствъ, былъ закрытъ и братія была переведена въ Пензу, въ Спасо-Преображенскій монастырь.

Тогда-же на мѣстѣ упраздненнаго монастыря была открыта приходская церковь, которая существуетъ до настоящаго времени.

Братскихъ келій и монастырскихъ службъ давно уже нѣтъ, но церкви и часть большой казны съ сундуками сохранились до нашего времени и напоминаютъ о прошлыхъ временахъ скромной приходской церкви, не знающей, что дѣлать съ наслѣдіемъ отъ монастыря. Для небольшого прихода вполне достаточно одной церкви, а у него теперь въ обладаніи четыре храма.

Первый изъ нихъ и самый древнѣйшій это—прежняя соборная церковь монастыря во имя Рождества Пречистой Богородицы съ придѣломъ Николая чудотворца. Она построена въ исходѣ XV в., одновременно съ Успенскою церковью соборною Кириллова монастыря и обѣ онѣ являются единственными представителями архитектуры этого вѣка на Бѣль-озерѣ. Оерапонтовская церковь сохранилась въ большей неприкосновенности, чѣмъ ея кирилловскій сотоварищъ, подвергавшійся многимъ перемѣнамъ. Мѣстные иконы нижняго яруса восходятъ къ XVI столѣтію. Сохранилось игуменское мѣсто, сохранились также на задней стѣнѣ мѣста для братіи. Все здѣсь напоминаетъ монастырь и, осматриваясь, трудно себя убѣдить, что стоишь въ приходской церкви; напротивъ всею душою вѣришь, что все еще это монастырь и вотъ, думается, изъ за столба явится какой-либо старецъ, чтобы рассказать о прошлыхъ дняхъ обители и провести по ея святынямъ. Трапеза съ придѣльною церковью Благовѣщенія Пресвятой Богородицы начата строеніемъ въ 1530 году, а кончена въ 1535 году. Хотя въ настоящемъ столѣтіи она подверглась значительному ремонту,—церковь преобразована въ алтарь, а трапеза въ храмъ для предстоящихъ,—однако въ ней можно еще узнать древнее зданіе. Это обычная каменная четырехугольная трапеза древнемосковскихъ монастырей со столбомъ по срединѣ, принимавшемъ на себя своды стѣнъ, съ подвалами, гдѣ были хлѣбни и поварни. Въ трапезѣ отъ временъ монастырскихъ сохранились еще скамьи (двѣ), на которыхъ трапезовала братія. Во имя св. Мартиніана церковь построена въ 1640 году и освящена въ слѣдующемъ. Въ ней почиваютъ мощи

св. Мартиніана и находится гробница архимандрита Іоасафа. Четвертая церковь Богоявленская, надвратная, съ придѣломъ препод. Ферапонта, освящена въ 1650 году; ова служила крестовой церковью патріарху Никону. Его кельи, отъ которыхъ въ настоящее время нѣтъ никакихъ остатковъ, нужно искать по лѣвую руку этой надвратной церкви противъ трапезной церкви. Онѣ выходили одними окнами на монастырь, а другими за ограду на озеро. На правой сторонѣ надвратной церкви въ связи съ нею расположено каменное двухэтажное зданіе. Это большая монастырская казна съ сушилами надъ нею, столь же необходимая принадлежность общежительнаго монастыря, какъ и трапеза. Заботливая рука священника обсадила по мѣстамъ площадь монастыря деревьями; видѣются кое-гдѣ грядки съ цвѣтами и между ними чистыя дорожки. Все скромно и опрятно, все располагаетъ умъ витать въ прошлыхъ дняхъ Ферапонтовской церкви.

Н. Успенскій.

Сельское церковное торжество.

8-го мая въ день св. апостола и евангелиста Іоанна Божьего сосѣдняя Чуровская церковь совершала великое торжество освященія вновь сооруженнаго иконостаса въ холодномъ храмѣ. По справедливости и безъ преувеличенія нужно сказать, что подобныхъ торжествъ въ селахъ бываетъ весьма не много. Не говоря уже о богатствѣ и благолѣіи Чуровскаго храма, благодаря высокому и щедрому покровителю сего храма преосвященнѣйшему Мисаилу, епископу могилевскому, Чуровская церковь имѣетъ у себя одно важное преимущество предъ другими церквами—это чудный, и по деревнѣ, роскошный хоръ пѣвчихъ. Съ какимъ отраднымъ чувствомъ, съ какимъ душевнымъ умиленіемъ выслушивалось дивное пѣніе чуровскаго хора собравшимися священнослужителями, мѣстною интеллигенціею и простецами! Хоръ обязанъ и своимъ существованіемъ и своимъ совершенствомъ исключительно учителю 2-хъ классной школы А. Свѣтлову, который имѣетъ особенную способность дѣлать подборъ хоровыхъ партій изъ своихъ учениковъ.

Насколько было умилительно церковное пѣніе на освященіи, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ слѣдующій фактъ: священникъ единовѣрческой Крутецкой церкви о. Павелъ Смирновъ (изъ числа священнослужащихъ) по окончаніи св. литургіи выражался такъ: „если-бы и при моей церкви былъ устроенъ такой же хорошій хоръ, то я, при согласіи своихъ прихожанъ, сейчасъ же согласился-бы переимѣнить какъ свое, такъ и своихъ духовныхъ чадъ—единовѣріе на православіе“.

Какъ угодно, а этотъ фактъ говоритъ за многое, и особенно долженъ отрадно повліять на насъ православныхъ священниковъ края, напоминая намъ, что оружіемъ для побѣды православія во многихъ случаяхъ нужно считать хорошее пѣніе.

Торжеству праздника много способствовала масса собравшихся священнослужителей. Первенствовала въ священнослуженіи мѣстный о. благочинный, священникъ Покровской Долгослободской церкви о. Іоаннъ Виноградовъ; ему сослужили: два мѣстныхъ священника: О. А. Братолюбовъ и о. І. Вѣдоликовъ, черноозерскій священникъ о. Богоявленскій, чаромскій священникъ о. Светловъ, Крутецкой-единовѣрческой церкви о. Павелъ Смирновъ и пишущій настоящія строки; были два отца діакона—мѣстной церкви Л. Любецкій и Запогостской церкви П. Георгіевскій.

Наканунѣ торжества было соборно совершено всенощное бдѣніе, на которомъ мною было сказано поученіе на тему „о необходимости всѣмъ прихожанамъ заботиться о благолѣпіи своего приходскаго храма“. На божественной литургіи были произнесены два поученія; первое о. благочиннымъ на тему „О бракѣ“, поученіе, какъ было замѣтно, благотворно повліявшее на многочисленныхъ слушателей; второе поученіе было произнесено мѣстнымъ священникомъ о. Іоанномъ Вѣдоликовымъ—о томъ, что не слѣдуетъ уклоняться отъ посѣщенія храмовъ Божіихъ и отъ сборовъ на оныя. На торжествѣ изъ интеллигенціи были: г. земскій начальникъ Н. С. Юрневъ (почетный попечитель церковныхъ школъ края и извѣстный своею дѣятельностью по симъ школамъ), г. становой приставъ и многія другія почетныя лица.

По окончаніи церковнаго торжества, всѣ священнослужащіе и вся интеллигенція были приглашены хозяевами—мѣстными свя-

щеннослужителями откушать чай и раздѣлить трапезу—въ огромное зало чуровской 2-классной школы; во время чая пѣвчими были пропѣты: „Да возрадуется душа моя о Господѣ“, „входное достойно“, „херувимская пѣнь“, „многолѣтія“ и проч., все это было исполнено прекрасно и было приготовлено пѣвчими—на случай пріѣзда преосвященнаго Мисаила.

Во время трапезы главнымъ предметомъ общаго разговора былъ преосвященный Мисаилъ: всѣ неподдѣльно жалѣли о томъ, что преосвященный не пожаловалъ на такое торжество своей родины; какъ бы всѣ были рады видѣть этого добрѣйшаго и милостивѣйшаго благодѣтеля села Чуровскихъ, и не однихъ впрочемъ Чуровскихъ, а и многихъ отдѣльныхъ личностей (такъ, я и самъ первоначальное образованіе получилъ въ пріютѣ преосвященнаго Мисаила и благодѣющую щедрую руку его никогда не забуду). Много говорили о чуровскомъ хорѣ, о благолѣпнн чуровскаго храма, о школахъ грамоты (которыхъ такъ много въ чуровскихъ и запогостскомъ приходдахъ, составляющихъ починковскую волость). Всѣ были какъ-то особенно благодушно настроены, и я увѣренъ, что всѣ вынесли отъ этого торжества самыя пріятныя и свѣтлыя впечатлѣнія и чувства.

Священникъ Запогостской церкви

Василій Рябининъ.

Каѳедра Новгородскихъ святителей со времени покоренія Новгорода Московской державѣ въ 1478 г. до кончины послѣдняго митрополита Новгородскаго Іова въ 1716 г.*)

(Продолженіе).

Св. митрополитъ Аѳеоній.

Съ 1635—1649 годъ ¹⁾).

Блаженный Аѳеоній возведенъ былъ на новгородскую святительскую каѳедру вскорѣ послѣ кончины (спустя два мѣсяца) митрополита Кипріяна. Родомъ онъ былъ великороссъ, но о времени и мѣстѣ его рожденія, равно и о первыхъ годахъ жизни не сохранилось никакихъ свѣдѣній. По поступленіи въ монашество, Аѳеоній, за свою блаженную жизнь, удостоенъ былъ игуменскаго сана въ Переславскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, откуда, по сказанію лѣтописи, и взятъ на святительскій престолъ въ Новгородъ. „Лѣта 7143 (1635), говоритъ лѣтописецъ, марта въ 8 день, на память преподобнаго отца нашего Теофилакта, въ 4 недѣлю поста избраніемъ и повелѣніемъ благочестиваго и христіюбиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Теодоровича, всея Русіи самодержца, и при его государевой благочестивой царицѣ и великой княгинѣ Евдокіѣ Лукіановнѣ, и при ихъ благородныхъ чадѣхъ... поставленъ бысть В. Новуграду и В. Лукамъ преосвященный Аѳеоній, митрополитъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, во святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы

*) См. Новг. Еп. Вѣд. № 5 за 1898 г.

¹⁾ Пет. Рос. іер. Ч. 1, стр. 79; см. рукоп. о владыкахъ Новгор. № 2, л. 25, въ моей библ. Авт.

и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго Ея Успенія, рукою великаго господина святѣйшаго Іоасафа патріарха ²⁾ Московскаго и всея Русіи; а взятъ преосвященный митрополитъ Афѳоній въ митрополиты изъ пречестныя обители святыхъ праведныхъ страстотерпецъ князей Русскихъ Бориса и Глѣба изъ Переславля Залѣскаго, со игуменства; а въ В. Новгородъ пріѣхалъ преосвященный Афѳоній митрополитъ того же 7143 (1635) году, марта въ 22 день, въ праздникъ Входа во Іерусалимъ, на память священномученика Василя Анкирскія церкви ³⁾.

Новгородскою паствою Афѳоній управлялъ 14 лѣтъ; по жизни былъ строгій инокъ, смиренный и благочестивый; имя его, какъ святителя богоугоднаго, по нынѣ съ глубокимъ благоговѣніемъ воспоминается послѣ именъ новгородскихъ святителей, просіявшихъ святостію жизни; но существованіе его, какъ митрополита, мало было замѣтно въ свое время, и такимъ же остается въ исторіи; такъ какъ о жизни и трудахъ его въ памятникахъ письменности сохранились весьма скудныя свѣдѣнія и тѣ, большею частію, отрывочныя, о которыхъ мы здѣсь и упоминаемъ.

Въ 1639 году митрополитъ Афѳоній написалъ небольшое сочиненіе о духовной силѣ и благодати. Поводомъ къ написанію сего сочиненія послужило то обстоятельство, что вопросъ о прилогѣ „и огнемъ“ въ извѣстной молитвѣ на Богоявленіе, хотя уже рѣшенъ былъ соборомъ въ началѣ патріаршества Филарета, но еще не преставаля волновать общество и въ бытность Афѳонія на святительской кафедрѣ. Поэтому онъ счелъ нужнымъ, „поспѣшеніемъ“ самого патріарха Іоасафа, написать небольшое сочиненіе: „о духовной силѣ и благодати, невидимо подаваемой свыше дѣйствіемъ Св. Духа въ крещеніи и въ день пятидесятный“. Здѣсь авторъ по преимуществу старался оправдать и защитить рѣшеніе московскаго собора и восточныхъ патріарховъ объ исключеніи изъ молитвы слова „и огнемъ“ ⁴⁾.

²⁾ Въ новгор. 3 лѣт. на стр. 273 говорится, что Афѳоній поставленъ въ митрополиты рукоположеніемъ святѣйшаго Филарета, патріарха Московскаго; но это, очевидно ошибка. Авт.

³⁾ П. С. Л. III, прибавл. къ новг. 2 лѣт. стр. 189.

⁴⁾ Рукоп. Моск. Синод. библіот. № 273, л. 148—162, по опис. II, 3 стр. 356—357. Изъ грамотъ Афѳонія извѣстна только одна помѣстная, данная 31 янв. 1636 г. Софійскому дворецкому Максиму Куликову, на пожалованное ему помѣстье въ Шелонской пятинѣ. А. И. Ш., № 191, стр. 346—347.

Въ этомъ же 1639 г. митрополитъ Афеоній, заботясь объ устройствѣ раззоренныхъ шведами монастырей, доносилъ царю Михаилу Феодоровичу, что „монастырь Николы чудотворца на Липнѣ стоитъ пустъ безъ пѣнія, а каменное строеніе изъ давнихъ лѣтъ валится розно, а построить того монастыря нѣкому“; и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобы позволено было ему устроить монастырь и собрать настоятеля съ братією, а прежній оброкъ, платимый монастыремъ за рыбныя ловли, сложить и употребить на свѣчи, ладонъ, вино церковное и просфоры ⁵⁾. Согласно челобитью Афеонія, отъ царя велѣно ему устроить и возобновить Липенскій монастырь на безоброчное владѣніе прежними монастырскими угодьями ⁶⁾. На другой годъ послѣ того, въ 1641 г. было донесено царю отъ дьяка Арцыбашева, что „отданъ былъ въ В. Новѣ-городѣ Липецкій Никольскій монастырь въ строеніе новгородскому митрополиту Афеонію, и митрополитъ-де въ томъ монастырѣ церковь покрылъ и освятилъ, а службы нѣтъ“. Вмѣстѣ съ этимъ дьякъ въ доносѣ просилъ, чтобы монастырь данъ былъ ему въ строеніе, обѣщаясь вполнѣ устроить оный. Послѣ смерти Арцыбашева, управлявшаго монастыремъ 5 лѣтъ, въ 1645 г. митрополитъ Афеоній доносилъ царю Алексѣю Михайловичу, что онъ митрополитъ, во время завѣдыванія Липенскимъ монастыремъ, „на строеніе его, на церковныя кровли и на паперти и на крыльца израсходовалъ изъ софійской казны 97 руб.; а во время пятилѣтняго владѣнія Арцыбашева, строенія въ томъ монастырѣ вновь не оказалось“. Такимъ образомъ Липенскій монастырь съ 1646 г. опять перешелъ къ Софійскому дому въ распоряженіе митрополита Афеонія ⁷⁾.

Въ 1640 году митрополитъ Афеоній предпринималъ поновить чудотворную икону Знаменія Божіей Матери, что можно видѣть изъ грамоты къ нему царя Михаила Феодоровича, 9-го сентября 1641 года.

⁵⁾ Списокъ съ грамоты царя Михаила Феодоровича 9 авг. 1639 г. въ библ. Соф. соб. въ собр. грамотъ 1753 г. л. 62. Ист. Р. іерар. ч. V, стр. 14.

⁶⁾ Списокъ съ царской грам. 1640 г. въ новг. Соф. бібліотекѣ.

⁷⁾ Списокъ съ царской грам. въ новг. Соф. библ. въ собраніи грамотъ 1753 г. л. 247.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русіи въ нашу отчину въ В. Новгородъ богомольцу нашему Афонію митрополиту Новгородскому и Великолуцкому: въ нынѣшнемъ 149 г., сентября въ 5 день писалъ еси къ намъ ты, богомолецъ нашъ: въ нашей де отчинѣ въ В. Новгородѣ у чудотворнаго образа Пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея знаменія, на образѣ Ея, у Пречистыя Богородицы и у Превѣчнаго Младенца на лицахъ и въ ризахъ попортилося, и которые святые на той же чудотворной иконѣ приписаны, и тѣ святые также попортились; а безъ нашего де указа того чудотворнаго образа починить не смѣешь; а въ Софійскомъ Дому у тебя, богомольца нашего, есть приказной Леонтей Черной, что былъ прежь сего у насъ иконописецъ; и намъ бы указати тотъ чудотворный образъ Знаменія Пречистые Богородицы починить ему Леонтію. И мы указали тотъ чудотворный образъ Пречистые Богородицы Знаменія, которые попорченныя мѣста, починить иконнику Леонтію Черному. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ, богомолецъ нашъ, чудотворный образъ Пречистые Богородицы Знаменія и святые которые приписаны на той чудотворной иконѣ въ лицахъ и въ ризахъ, порченныя мѣста велѣлъ починити иконнику Леонтію Черному. А какъ тотъ чудотворный образъ починить, и ты бѣ о томъ отписалъ къ намъ въ Москвѣ, а отписку велѣлъ подати въ Приказъ Большаго Дворца Боярину нашему князю Алексію Михайловичу Львову да дьякомъ нашимъ Григорію Нечаеву да Максиму Чиркову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7149 г. сентября въ 9 день“⁸⁾.

Состоялось-ли тогда это предпріятіе, неизвѣстно, потому что отписки Афонія къ царю о поновленіи иконы не найдено. Подлинная же грамота, хранившаяся въ новгородскомъ консисторскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ, имѣетъ историческую важность: во первыхъ потому, что до этой грамоты извѣстно было по дѣтописаніямъ объ одномъ только поновленіи иконы Знаменія Божіей Матери въ 1527 году новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ; во вторыхъ, грамота показываетъ, что возобновленіе чудотвор-

⁸⁾ Извѣст. Импер. Археолог. Общ. за 1858 г. т. I, вып. 6, стр. 350 и 351.

ныхъ иконъ въ періодъ патріаршества проеходило у насъ не иначе, какъ по указу государеву; въ третьихъ, изъ грамоты видно, что иконы чудотворныя были возобновляемы иконописцами, извѣстными самому государю, изъ числа которыхъ при новгородскомъ софійскомъ домѣ въ 1641 г. былъ московскій дворцовый иконописецъ Леонтій Черный, упоминаемый въ грамотѣ.

Въ 1641 г. по указу царя Михаила Феодоровича митрополитъ Аффоній, съ тремя настоятелями новгородскихъ монастырей и всѣмъ своимъ соборнымъ духовенствомъ свидѣтельствовалъ (30 августа) мощи преподобнаго Александра Свирскаго; а въ 1643 г., по указу того же государя перенесъ (5 декабря) нетлѣнные останки угодника Божія изъ Николаевской церкви Свирскаго монастыря въ церковь Преображенія Господня, и здѣсь переложилъ въ новую сребропозлащенную раку, которая устроена была самимъ государемъ и прислана изъ Москвы⁹⁾.

Въ 1642 г. Аффоній участвовалъ и первенствовала¹⁰⁾ между іерархами, при избраніи патріарха на мѣсто умершаго въ 1640 г. 20 ноября Іоасафа. Считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь о необыкновенномъ тогда избраніи новаго патріарха. Когда, по вызову государя, прибыли въ Москву Аффоній и прочіе святители и когда они, со множествомъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и священниковъ представились государю, онъ просилъ ихъ, прежде всего, вознести усердныя молитвы къ Богу, да даруетъ Онъ церкви своей новаго верховнаго пастыря и учителя. А когда они удалились, велѣлъ приготовить шесть жребіевъ и написать на нихъ имена, на каждомъ жребіи по одному имени, тѣхъ шести лицъ, которыхъ самъ же предварительно избралъ; запечаталъ всѣ эти жребіи своею царскою печатью и отослалъ чрезъ боярина своего Алексѣя Михайловича Львова, въ соборную церковь къ находившимся тамъ святителямъ съ тѣмъ, чтобы

⁹⁾ А. 9, III, № 325; сказаніе объ обрѣтеніи мощей преп. Александра Свирскаго см. въ житіи его, стр. 84—91. Сиб. изд. 1830 г.

¹⁰⁾ Въ „Лѣтвицѣхъ вѣстемъ“, составленной патріархомъ Іоасафомъ по поводу мѣстничества между церковными властями при соборныхъ богослуженіяхъ и на совѣщаніяхъ, отъ чего случались нарушенія благочинія, митрополитъ новгородскій Аффоній поставленъ первымъ въ ряду митрополитовъ. Эта лѣтвица напечат. архим. Досвеемъ въ опис. Соловецк. мон. III, стр. 263—267.

ни помолились Богу и Пречистой Богородицѣ, вынули предъ Ея чудотворною иконою, Владимірскою, одинъ изъ присланныхъ жребіевъ, „кого Богъ изволить и Пречистая Богородица избере быти патріархомъ“, и тотъ жребій прислали нераспечатаннымъ къ государю. Святители взяли сначала три жребія, положили ихъ въ драгоценную панагію, которую носили прежніе патріархи, поставили панагію въ кіотъ на пеленѣ предъ чудотворною иконою Владимірской Богоматери и начали молебствіе. По окончаніи молебна, старѣйшій изъ архіереевъ, новгородскій митрополитъ Афеоній велѣлъ ростовскому митрополиту Варлааму вынуть одинъ изъ трехъ, нашедшихся въ панагіи жребіевъ и держать въ рукахъ, а два остальные отложить. Потомъ положили въ ту же панагію другіе три жребія изъ шести, присланныхъ царемъ, поставили ее предъ тою же чудотворною иконою на пеленѣ, вновь совершили молебствіе, и изъ панагіи вынуть еще одинъ жребій митрополитомъ сарскимъ Серапіономъ, а два остальные отложены. Наконецъ, въ ту же панагію положили два, прежде вынутыя изъ нея, жребія, и поставили ее предъ чудотворною иконою Богоматери. По окончаніи третьяго молебствія, одинъ изъ этихъ двухъ жребіевъ вынулъ архіепископъ суздальскій Серапіонъ и поднесъ митрополиту Афеонію и всему собору. Афеоній, не распечатывая жребія, отдалъ его князю Львову для доставленія государю. Царь распечаталъ жребій предъ всемъ своимъ царскимъ синклитомъ и объявилъ, что „благоволи Богъ и Пречистая Богородица быти патріархомъ Іосифу, архимандриту Симонова монастыря“, и тотчасъ же послалъ князя Львова въ соборную церковь возвѣстить о томъ самому архимандриту Іосифу предъ всемъ освященнымъ соборомъ. Такое необычайное избраніе Іосифа на патріаршество совершилось 20 марта 1642 г. На слѣдующій день, подъ предсѣдательствомъ Афеонія, происходило нареченіе, а 27 марта и самое посвященіе Іосифа въ патріарха, въ присутствіи царя ¹¹⁾.

Въ 1643 году Афеоній возвелъ въ санъ игумена бѣлозерской Кожеозерской пустыни инока, Никона, впослѣдствіи знаме-

¹¹⁾ Подробные чины избранія Іосифа на патріаршество и церемоній, происходившихъ послѣ его поставленія, напечатаны въ древн. Росс. Визіов. VI, 223—261.

нитаго патріарха. Никонъ первоначально подвизался на анзерскомъ островѣ, гдѣ провелъ около четырехъ лѣтъ; а оттуда, для уединенныхъ подвиговъ, переселился въ Кожеозерскую пустынь. Здѣшняя братія, видя суровые иноческіе подвиги Никона, избрала его себѣ настоятелемъ ¹²⁾. Достоинно замѣчанія, что Афеоній, возводя Никона въ санъ игумена, тогда же пророчески предрекъ ему, что онъ будетъ преемникомъ его на кафедрѣ новгородской.

Въ 1645 году новгородскій владыка Афеоній присутствовалъ при вѣнчаніи на царство шестнадцатилѣтняго юноши Алексея Михайловича ¹³⁾. Въ этомъ же году юный царь подтвердилъ митрополиту Афеонію право самому ему „вѣдать и судить своихъ архіерейскихъ людей и дьяковъ, и дѣтей боярскихъ, и крестьянъ, и всякихъ домовыхъ служебниковъ во всякихъ исцовыхъ искѣхъ“. Это право, при тогдашнемъ ограниченіи духовной власти, составляло особенную царскую милость, которою пользовались очень немногіе святители ¹⁴⁾. Въ 1648 г. пожалованы были Афеонію отъ царя два дворцовыхъ села ¹⁵⁾.

Интересенъ споръ митрополита Афеонія съ софійскимъ духовенствомъ о вѣчныхъ пошлинахъ, которыя оттягали соборяне у кафедры, воспользовавшись неблагоприятнымъ положеніемъ прежнихъ владыкъ.

Ограниченіе финансовыхъ средствъ софійской казны, со времени покоренія Новгорода московской державѣ, коснулось невыгодно не одного епископа, но одинаково и клира софійскаго собора, служившаго ближайшимъ помощникомъ владыки въ его духовной дѣятельности. У клира оставались, правда, не тронутые церковные доходы, но при многочисленности его, состоявшаго, напримѣръ, въ 1542 г. изъ 43 человекъ, въ томъ числѣ изъ протопопа, протодіакона и 18 человекъ придѣльныхъ священниковъ, они не въ силахъ были закрыть пустоту, образовавшуюся послѣ секуляризаціи софійскихъ вотчинъ. Поэтому,

¹²⁾ И. Р. Ц. м. Мак. XI, 163.

¹³⁾ „Новг. Епарх. Вѣд.“ за 1895 г. № 5, стр. 305.

¹⁴⁾ А. Э. IV, № 3, грам. отъ 27 окт. 1645.

¹⁵⁾ „Новг. Епарх. Вѣд.“ за 1895 г. № 5, стр. 305.

съ наступленіемъ московской эпохи, со стороны софійскаго клира также обнаруживается стремленіе къ улучшенію своего положенія, къ приобрѣтенію новыхъ источниковъ содержанія. Но такъ какъ епархіальное духовенство и безъ того было завалено разнаго рода поборами, то обращаться съ новыми требованіями къ нему было рѣшительно невозможно. Вся надежда должна была сосредоточиться теперь на мірѣ. Но и здѣсь не очень-то легко было отыскать какую либо доходную статью. Подобно духовенству, и міряне несли на себѣ разные поборы въ пользу епархіальной власти. Софійскій клиръ однако нашелся. Онъ не сталъ требовать невозможнаго, введенія какой либо пошлины, а обратился къ старинѣ и положилъ отбить у своего владыки вѣчную пошлину. Такъ назывался поборъ, который вносили въ пользу епископа вступавшія въ бракъ лица за выдачу имъ позволенія, а впоследствии даже и особой записи, вѣчнаго знамени или вѣчной памяти. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали осуществленію подобнаго плана. Дѣло въ томъ, что съ водвореніемъ московскаго владычества въ Великомъ Новгородѣ не бывало часто владыки по нѣскольку лѣтъ сряду, и такимъ образомъ владычніе интересы не имѣли своего законнаго представителя. Софійское духовенство и воспользовалось искусно однимъ изъ такихъ промежутковъ. По удаленіи—именно въ іюнь 1504 г. новгородскаго владыки Геонадія въ Москву, клиръ Софійскаго собора немедленно же обратился къ великому князю Іоанну Ш съ челобитною, въ которой, указавъ на свое затруднительное финансовое положеніе, просилъ его о пожалованіи царскою рогою, а главное, о передачѣ въ вѣдѣніе клира вѣчной пошлины съ мірянъ новгородской епархіи. Просьба была уважена и въ августѣ того же 1504 г. соборянамъ была выдана жалованная грамота на вѣчную пошлину. По этой грамотѣ софійскому клиру предоставлено было право собирать вѣчную пошлину съ четырехъ новгородскихъ пятинъ: Дерезской, Шелонской, Вотской и Обонежской; „а въ спискѣ съ жалованной грамоты 7012 г. (время дачи грамоты въ Чт. М. О. И. и Др. 1866 г. II, смѣсь 71, опредѣляется 7012 августа) написано: се язъ князь великій... пожаловали въ своей отчавѣ въ В. Новгородѣ Со-

фѣйскаго протопопа... да протодіакона... да придѣльныхъ поповъ и дьяконовъ, велѣли имъ имати пошлину отъ вѣнцовъ въ В. Новгородѣ и на посадѣхъ и въ погостѣхъ въ Деревской пятинѣ... въ Шелонской пятинѣ... въ Вотской пятинѣ... въ Обонежской пятинѣ... всего со ста десяти погостовъ¹⁶⁾. Пятая—Въжецкая пятинна не упоминается; она, вѣроятно, была оставлена для владыки. Размѣръ пошлинъ опредѣленъ слѣдующій: „а имать имъ та пошлина отъ вѣнцовъ съ отрока полторы денги Новгородскія, а съ дѣвицы тожь, съ вдовца три денги, со вдовы тожь, то имъ и отъ печати“¹⁷⁾. Пожалованіе это сразу подняло и обезпечило матеріальное существованіе Софійскаго клира. Благодаря присоединенію вѣчной пошлینی къ старымъ софійскимъ церковнымъ сборамъ, общая сумма доходовъ софійскаго собора возрасла до значительной цифры: „а доходило де имъ, сказано въ грамотѣ, всѣхъ пошлинъ, до новаго соборнаго уложенія, на годъ до полчетвертаста рублевъ московскихъ, а въ иномъ году болши того, а въ иномъ менши того“¹⁸⁾. Софійскій клиръ имѣлъ такимъ образомъ всѣ основанія быть довольнымъ; но иначе отнеслись къ пріобрѣтенію его новгородскіе владыки. Долгое время они, правда, молчали, но въ концѣ концовъ не вытерпѣли. Въ 1641 г. митрополитъ Афеоній обратился къ царю Михаилу Ѳеодоровичу съ жалобой на то, что софійскій протопопъ и его братія неправильно взимають вѣчную пошлину въ Сомерскомъ погостѣ Шелонской пятинны и въ Пречистенскомъ погостѣ на Тихвинѣ въ Обонежской пятинѣ. Какъ основаніе неправильности, митрополитъ Афеоній вообще выставлялъ тотъ фактъ, что по царскимъ узаконеніямъ ни въ патриаршеской области, ни въ митрополіяхъ, ни въ епископіяхъ протопопы и попы не могутъ пользоваться вѣчною пошлиною нигдѣ въ уѣздахъ; вчастности же ссылался и на то обстоятельство, что новгородское софійское духовенство не имѣетъ для оправданія своего образа дѣйствій и царской жалованной грамоты ни старой, ни новой, а опирается

16) А. Э. Ш, 452, 1504 г.

17) А. Э. Ш, 453, 1504 г.

18) А. Э. Ш, 453, 1546 г.

только на список¹⁹⁾. Не смотря, однакожь, на все доказательства, митрополиту Афеонію не удалось воротить каедрѣ вѣнечную пошлину. Противъ жалобы протестовали софійскій протопопъ Іоаннъ и протодіаконъ Исаакій, ссылаясь на грамоты 1404 и 1456 гг. и на опредѣленіе собора 1551 г.²⁰⁾ При разборѣ дѣла въ Москвѣ софійское духовенство разъяснило, что жалованная царская грамота сгорѣла у нихъ во время нашествія шведовъ, и такъ какъ это разъясненіе было найдено справедливымъ, то и вѣнечная пошлина, грамотою 20 ноября 1641 г. оставлена по прежнему за софійскимъ клиромъ²¹⁾. Неудача процесса вызвала неудовольствіе на протестовавшихъ лицъ, которые вслѣдствіе этого были отрѣшены отъ мѣстъ, но потомъ грамотою 21 сентября 1642 г. протопопу и протодіакону велѣно оставаться при прежнихъ мѣстахъ²²⁾.

Въ генварѣ (7 дня) 1649 г. (лѣта 7157) Афеоній, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, былъ вызванъ въ Москву. Въ бытность свою здѣсь, онъ „билъ челомъ великому государю царю, чтобъ государь пожаловалъ отпустить его въ келію, занеже ему святителю сущу въ древней старости“. Просьба была уважена: царь пожаловалъ, отпустилъ его съ Москвы и въ келію. По прибытіи въ В. Новгородъ, митрополитъ Афеоній, „феврала въ 21 день удалился на покой въ обитель Всемиловитоваго Спаса и великаго чудотворца Варлаама. И бысть въ В. Новѣградѣ во святительствѣ 14 лѣтъ безъ дву недѣль, а въ обители Всемиловитоваго Спаса и чудотворца Варлаама, какъ сведень съ митрополіи, былъ три лѣта безъ полутора мѣсяца, ту и преставися 6-го апрѣля въ лѣто 7160 (1652)“²³⁾.

19) А. Э. Ш, 451, 1641 г. „Въ прошломъ 149 г. билъ намъ челомъ богомолецъ нашъ Афеоній... на софійскаго протопопа... съ братією, емлютъ де они насильствомъ вѣнечную пошлину въ Тифинскомъ посадѣ и въ Сомерѣ, со 135 храмовъ, по спискамъ, а у нихъ де нашей (подлинной царской) грамоты старыя и новыя нѣтъ... а по нашему де (царскому) указу, у патриарха, и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископа, протопопы и попы вѣнечною пошлиною въ уѣздахъ не владѣють, кромѣ города и посадекихъ людей“.

20) „Новг. Епарх. Вѣд.“ за 1895 г. № 5, стр. 304 и 305.

21) А. Э. Ш, 454, 1641 г.

22) „Новг. Епарх. Вѣд.“ за 1895 г. № 5, стр. 305.

23) П. С. Л. прибавл. къ новг. 2 лѣт. стр. 189.

Келейные молитвенные подвиги святителя Афеонія остаются неизвѣстными міру, но объ нихъ лучше всего свидѣтельствуеть даръ прозорливости, который данъ былъ ему отъ Бога при жизни. Такъ, когда онъ возводилъ Никона въ санъ игумена Кожеозерской пустыни, то тогда же, за нѣсколько еще лѣтъ, предсказалъ ему, что будетъ преемникомъ его на новгородской святительской кафедрѣ. А потомъ онъ же предсказалъ Никону и возведеніе его на патриаршескій престолъ всея Россіи. Сохранилось сказаніе, что когда Никонъ, прибывъ въ Новгородъ, въ санъ святителя поѣхалъ въ Хутынской монастырь къ проживавшему тамъ на покоѣ своему предмѣстнику, митрополиту Афеонію, мужу святой жизни, но, по старости и безпамятству, добровольно оставившему свою кафедру, и началъ просить у него себѣ благословенія, то Афеоній отвѣчалъ: „ты меня благослови“, и, послѣ долгаго препирательства между ними объ этомъ, сказалъ наконецъ: „благослови меня патриарше...“ Никонъ замѣтилъ: „нѣтъ, отче святой, я грѣшный митрополитъ, а не патриархъ...“ „Будешь патриархомъ и благослови меня“, пояснилъ свою мысль Афеоній, и дѣйствительно первый принялъ благословеніе отъ Никона, а затѣмъ благословилъ и его ²⁴). Предсказаніе это вскорѣ же исполнилось.

Но особенно открылась богоугодная жизнь святителя Афеонія сряду послѣ его кончины. Въ то время, когда скончался старецъ Афеоній, митрополита Никона не было въ Новгородѣ; онъ находился въ Соловецкомъ монастырѣ, куда былъ посланъ царемъ, для перенесенія въ Москву св. мощей митрополита Филиппа. Тѣло усоншаго святителя Афеонія было поставлено въ Хутынской монастырской церкви подъ колокольною и оставалось непогребеннымъ 11 недѣль—съ 6 апрѣля по іюль мѣсяць, пока не прибылъ отдать послѣдній долгъ почившему псковскій архіепископъ Макарій. Въ продолженіе всего этого времени въ Новгородѣ и его окрестностяхъ стояла страшная засуха; но не смотря на сильныя жары, изсушившіе всѣ ручьи и даже рѣки, тѣло

24) И. Р. Ц. м. Мак. XII, стр. 1 и 2, си. новгор. мѣсяцесловъ изд. 1876 г. стр. 62; новгор. мѣсяцесловъ 1882 г. стр. 31; „Новгор. Губери. Вѣд.“ неоффиц. ч. къ № 18, за 1850 г. стр. 126.

усоннаго святителя не подверглось тлѣнію. Когда же почившій былъ перенесенъ изъ Хутыня и поставленъ въ Софійскомъ соборѣ, то въ ночи пролился такой обильный дождь, что рѣки и ручьи наполнились водою и засохшія поля оживились. „Бысть Афѳоній митрополитъ, говорятъ лѣтописецъ, не погребенъ 11-тъ недѣль, для того что, по государеву указу, докамѣтъ не пріѣхалъ псковскій архієпископъ Макарій, а Никона митрополита въ то время въ Новгородѣ не было, для того что, по государеву указу, ѣздилъ въ Соловки по Филиппа митрополита. Бяше же того лѣта въ Новѣградѣ и во окрестныхъ странахъ засуха велика; и егда святителя Афѳонія митрополита привезоша въ В. Новгородъ, и поставиша его въ соборной церквѣ Софіи Премудрости Божіи, и абіе тоя ноци бысть дождь великъ, яко наполнитися рѣкамъ и ручьямъ, православніи же людіе возрадовашася велми и хвалу Богу воздаша. Погребенъ бысть Афѳоній митрополитъ у святѣи Софѣи Премудрости Божіи въ Мартирѣвской паперти“, гдѣ и почиваютъ его мощи подъ спудомъ ²⁵⁾.

Имя Афѳонія по нынѣ читается въ Новгородѣ и нерѣдко надъ могилою его совершаются панихиды. Память его празднуется 10 февраля, вмѣстѣ съ другими новгородскими святителями, почивающими въ Софійскомъ соборѣ ²⁶⁾.

Протоіерей П. Тихомировъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

²⁵⁾ П. С. Л. Ш, прибавл. къ Новг. 2 л. стр. 189, 190 и 273.

²⁶⁾ Смотр. новгор. мѣсяцесловы 1876 и 1882 гг. стр. 31 и 62.

II) Статьи и сообщенія.

О взаимопомощи среди духовенства.

Въ „Симбирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена статья посвященная обсужденію вопроса „о взаимопомощи среди духовенства“. Средствами этой взаимопомощи авторъ считаетъ учрежденіе похоронной кассы. Духовенство, говоритъ авторъ статьи, не можетъ похвалиться своей матеріальной обеспеченностью, и нуждающихся среди него, особенно среди многосемейныхъ и низшихъ членовъ причта, не мало. Какъ на доказательство этого, мы можемъ сослаться на тѣ многочисленныя недоимки, которыя числятся за духовенствомъ за содержаніе дѣтей въ общежитіяхъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Если же многіе изъ духовныхъ, находясь на службѣ, живутъ, едва только справляясь съ нуждой; то что они отложатъ на черный день—для обезпеченія своихъ близкихъ послѣ своей смерти? Часто кромѣ долговъ—ничего.

Тяжело бываетъ положеніе семьи какого-либо члена причта, послѣ смерти своего кормильца остающейся часто безъ крова и безъ всякихъ средствъ къ жизни; нерѣдко даже и похоронить своего отца бываетъ не на что; приходится или впадать въ неплатные долги, или же продавать за безцѣнокъ свое послѣднее имущество. Такимъ образомъ, со смертію кормильца у осиротѣлой семьи являются вдругъ два горя: потеря близкаго, дорогого лица и крайняя нищета. Словъ не найдется изобразить то горе, то тяжелое состояніе, какое приходится испытывать и переносить ей въ это время. И вотъ здѣсь, въ этой нуждѣ, какъ была бы благовременна осиротѣлой семьѣ матеріальная помощь, которая, обезпечивъ ее на первое время, дала бы ей возможность, такъ сказать, придти въ себя и нѣсколько успокоиться послѣ тяжелой утраты. Откуда же можетъ ждать помощи духовенство для своихъ сиротъ? Изъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія? Но оно, за недостаткомъ средствъ, оказывать значительныхъ пособій не можетъ. Изъ казны? Но казенныхъ пособій при смерти духовныхъ лицъ ихъ семьямъ не выдается. Развѣ изъ эмеритуры? Но и эмеритура можетъ оказать матеріальную поддержку сиротамъ только въ теченіе дальнѣйшей

жизни. Гдѣ же искать источникъ для помощи сиротамъ? Во взаимной помощи духовенства другъ другу, отвѣтимъ мы. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ духовенство уже прибѣгло къ этому источнику. Сущность подобной кассы въ общемъ состоитъ въ слѣдующемъ. Похоронная касса имѣетъ цѣлю оказывать единовременное пособіе вдовѣ или дѣтямъ каждаго участника кассы тотчасъ послѣ его смерти. Членами ея состоятъ священно-церковно-служители, состоящіе на дѣйствительной службѣ. Средства кассы составляются изъ ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ каждаго члена; при чемъ для образованія запаснаго фонда первый взносъ при вступленіи въ члены производится каждымъ въ двойномъ размѣрѣ. Количество пособія составляется изъ суммы взносовъ всѣхъ членовъ при смерти кого-либо изъ участниковъ. Если предположить, что членами похоронной кассы будетъ все состоящее на службѣ духовенство симбирской епархіи и установить взносы для протоіереевъ и священниковъ 60 к., для діаконовъ 40 к. и для псаломщиковъ 20 к.; то пособіе сиротамъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ. При смерти псаломщика каждый членъ кассы долженъ будетъ внести по 20 к., а такъ какъ въ симбирской епархіи по послѣдней статистикѣ— 731 священниковъ и протоіереевъ, 210 штатныхъ діаконовъ и 731 псаломщиковъ и діаконовъ на псаломщической вакансіи, то получается сумма 334 р., которая составитъ единовременное пособіе сиротамъ послѣ смерти псаломщика. При смерти діакона, псаломщики должны будутъ внести по 20 к., діаконы и священники должны внести по 40 к., что составитъ всего 522 р.; это единовременное пособіе сиротамъ по смерти діакона. При смерти священника псаломщики внесутъ по 20 к., діаконы по 40 к. и священники и протоіереи по 60 к., что составитъ въ общемъ 668 р.; это пособіе сиротамъ по смерти священника. При взносахъ: для священника 30 к., для діакона 20 к. и для псаломщика 10 к., единовременное пособіе выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: семья священника—334 р., семья діакона—261 р. и семья псаломщика—167 р. Если даже уменьшить обязательные взносы для священника до 15 к., для діакона до 10 к. и для псаломщика до 5 к., то и при этихъ взносахъ осиротѣлая семья получитъ порядочное пособіе: семья священника—165 руб., семья діакона—130 руб. и семья псаломщика—83 р., чуть не головое псаломщическое казенное жалованье.

Права на пособіе имѣютъ всѣ семьи умершихъ членовъ кассы; при выдачѣ пособія матеріальная обезпеченность члена въ

разсчетъ не принимается. Равнымъ образомъ не лишаются пособія и семьи тѣхъ членовъ кассы, которые умерли въ заштатѣ.

Касса, основанная на взаимной помощи, прочна и краха не боится, особенно, если члены ея проникнуты будутъ сознаниемъ пользы ея, а главное—она можетъ открыть свои операціи тотчасъ по утвержденіи устава и по полученіи двухъ или трехъ членскихъ взносовъ. Подобныхъ кассъ уже существуетъ въ Россіи немало, между прочимъ въ концѣ прошлаго года была открыта такая касса въ г. Витебекѣ среди медицинскаго персонала. Объ ней пришлось прочесть въ Витебскихъ вѣдомостяхъ слѣдующее: вкорѣ по открытіи кассы получено было извѣстіе о смерти ветеринарнаго врача, успѣвшаго внести только одинъ свой членскій взносъ—1 р. 50 к. По полученіи этого извѣстія комитетъ кассы тотчасъ распорядился о высылкѣ вдовѣ умершаго пособія, каковое и было выслано въ количествѣ 260 руб. Вотъ благодаря этому симпатичному учрежденію семья пока и обезпечена и не увидитъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время по смерти своего кормильца, тяжелой нужды.

Познакомивъ съ основными положеніями проэктируемой похоронной кассы, необходимо намъ рѣшить вопросъ о томъ, сколько каждому члену въ пользу ея придется ежегодно переплатить? На этотъ вопросъ точно, конечно, отвѣтить нельзя: въ животѣ и смерти Богъ воленъ; сколько ежегодно смерть вырветъ изъ среды духовенства, съ математическою точностію опредѣлить нельзя, почему отвѣтимъ на него только приблизительно на основаніи свѣдѣній, добытыхъ нами за 10 лѣтъ въ духовной консисторіи. По этимъ свѣдѣніямъ средняя ежегодная смертность среди духовныхъ, состоящихъ на службѣ, равняется 30 и заштатныхъ—16; слѣдовательно всего въ годъ умираетъ 46 человекъ. Хотя мы должны оговориться, что въ первые годы и даже болѣе—въ первое десятилѣтіе существованія кассы подобной смертности не должно быть въ виду того, что при учрежденіи кассы членами ея будутъ только лица, состоящіа на дѣйствительной службѣ и, слѣдовательно, смертность заштатныхъ, бывшихъ членами кассы, будетъ крайне незначительна. Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе ошибки и оставаясь вѣрными статистикѣ, признаемъ за среднюю смертность число 46. Теперь, полагая, что изъ 46 умерло священниковъ 20, діаконовъ 8 и псаломщиковъ 18, взносъ ежегодный съ каждаго члена получимъ слѣдующій. При взносахъ 60, 40 и 20 к. священникъ долженъ уплатить: 20 разъ по 60 к., 8 разъ по 40 к. и 18 разъ по 20 к., что въ общемъ будетъ равняться 18 р. 80 к.; діаконовъ долженъ внести

28 разъ по 40 к. и 18 разъ по 20 к., что будетъ равняться 14 р. 80 к.; псаломщикъ долженъ уплатить 46 разъ по 20 к., что равняется 9 р. 20 к. При взносахъ 30 к., 20 к. и 10 к. священникъ ежегодно переплатить 9 р. 40 к., діаконъ 7 руб. 40 к. и псаломщикъ 4 р. 60 к. При взносахъ 15 к., 10 к. и 5 к. священникъ заплатитъ въ годъ 4 р. 70 к., діаконъ 3 р. 70 к. и псаломщикъ 2 р. 30 к.

Конечно, на первый взглядъ подобная сумма ежегодныхъ взносовъ, особенно при взносахъ 60, 40 и 20 к., покажется слишкомъ большой и многихъ утратить, но это только на первый взглядъ. Первѣе всего, каждый долженъ знать, что эти взносы будутъ потребованы не вразъ, а постепенно, по мѣрѣ надобности, въ 6 или даже болѣе приемовъ, а при этомъ вышеозначенное количество внести ни для кого не будетъ обременительно. Затѣмъ, пусть каждый будетъ увѣренъ, что все эти взносы возвратятся по его смерти его семьѣ „съ процентами“ и послужатъ для нея на первое время матеріальной поддержкой. Говоримъ „съ процентами“ потому, что сумма предполагаемаго пособія семьѣ даже при такой высокой цифрѣ смертности, какую мы приняли, можетъ накопиться только не ранѣе 40—35 лѣтъ, при томъ условіи, если каждый ежегодное количество взноса будетъ обязательно откладывать въ сберегательную кассу. Но многіе ли изъ духовныхъ живутъ 35 лѣтъ на службѣ? Да кромѣ того, многіе ли ежегодно будутъ откладывать это количество для своей семьи? Иное дѣло—откладывать добровольно, иное дѣло—обязательно; въ первомъ случаѣ для свободныхъ денегъ всегда найдется нужда, особенно для 4—10 рублей; а во второмъ случаѣ каждый небольшими взносами, безъ обремененія для себя, обязательно долженъ будетъ вносить и тѣмъ приобрететъ право для своей семьи послѣ своей смерти на полученіе порядочнаго пособія. Наконецъ, самое важное и главное—пусть каждый помнить и сознаетъ, что онъ, внося известную сумму въ похоронную кассу, этимъ окажетъ неоцѣненную поддержку осиротѣлымъ семьямъ и можетъ быть отереть горькія слезы обездоленнымъ сиротамъ; а передъ этимъ сознаніемъ могутъ-ли устоять какіе-либо матеріальные расчеты?

Дай Богъ, чтобы наше сильное слово нашло откликъ въ средѣ симбирскаго духовенства и расположило его, какъ можно скорѣе, придти на помощь къ своимъ сиротамъ, и въ этомъ оно найдетъ полное одобреніе и сочувствіе со стороны нашего любвеобильнаго владыки, готоваго всегда идти на встрѣчу всемъ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ улучшенію быта духовенства и тѣмъ болѣе къ обезпеченію сиротъ.

О недостаткахъ паломничества къ отечественнымъ святынямъ.

Въ „Миссіонерск. Обозрѣніи“ обращается вниманіе на недостатки народнаго паломничества къ отечественнымъ святынямъ и говорится, что давно-бы пора, вмѣстѣ съ заботами о паломникахъ, отправляющихся въ Палестину, подумать о паломничествѣ народа ко своимъ св. мѣстамъ,—подумать о томъ, какъ наилучше и цѣлесообразнѣе организовать его, съ возможно большею пользою для спасенія души, ради чего вѣрующіе и мало-вѣрующіе предпринимаютъ сей святой подвигъ.

Въ самомъ дѣлѣ, и на желѣзныхъ дорогахъ, и на каждомъ изъ пароходовъ, плавающихъ, напр., по Днѣпру, по пути въ Кіевъ и Черниговъ, ѣдутъ съ религіозною цѣлью одновременно не одна сотня людей, предоставленныхъ самимъ себѣ: между ними часто не встрѣтишь ни одного пастыря; если-же священники и отправляются на богомолье, то дѣлаютъ это святое дѣло совершенно обособлено отъ народа, исключительно какъ-бы для себя и нисколько не интересуюсь условіями народнаго паломничества и не заботясь о немъ. И вотъ предоставленный самому себѣ, этотъ набожный народъ, съ высокою религіозною цѣлью покинувшій свои семьи, въ большинствѣ своемъ не знаетъ, какъ ему распорядиться собою и временемъ въ долгомъ путешествіи своемъ: оиѣ ѣсть, пьеть и спать, или проводить досугъ въ праздныхъ, а иногда и прямо вредныхъ разговорахъ. Такимъ образомъ, весь путь народнаго паломника ко св. мѣстамъ и обратно, въ религіозно-назидательномъ отношеніи, мало въ общемъ даетъ нищиму и сердцу богомольца, а иногда приноситъ и положительный вредъ. Мы уже не говоримъ о той виѣшней, ни сколько не соответствующей благочестивой цѣли паломничества, обстановкѣ, въ которой нашимъ богомольцамъ приходится проводить благочестивое путешествіе свое, какъ, напр., на пароходахъ, среди компаніи людей неудерживающихся отъ пьянства и разгула, гдѣ открыто происходятъ азартныя карточныя игры, гдѣ слышатся задорныя бранныя слова и рѣчи, раздаются разухабистыя пѣсни, играютъ разнообразнѣйшіе оркестры музыки всякихъ наемныхъ бродячихъ артистовъ изъ жидовъ и гдѣ во всю дорогу не услышишь ни одного молитвеннаго мотива и никакого слова назиданія. Мы не говоримъ объ этомъ, такъ сказать случайно, и, кажется, не устранимъ злѣ виѣшнемъ, хотя, безъ сомнѣнія, и эта виѣшняя обстановка въ значительной степени понижаетъ то св. религіозное чувство и серьезное доброе настроеніе мысли, съ

какими богомольцы отправляются ко св. мѣстамъ изъ мѣстъ своего жительства, или возвращаются домой.

Большое сожалѣніе къ себѣ возбуждаетъ положеніе нашихъ богомольцевъ, когда они, достигнувъ цѣли своего путешествія, ни кѣмъ не руководимые, безъ всякой душевной пользы для себя бродятъ по цѣлымъ днямъ, наприм., по Кіеву, какъ въ невѣдомомъ лѣсу, не имѣя яснаго представленія о святыняхъ сего города. Намъ приходилось лично слышать, какъ одинъ изъ толпы паломниковъ, выходя изъ главной церкви Кіево-Печерской Лавры, спрашивалъ: „а гдѣ же св. Лавра?“ Другая же толпа богомольцевъ, стоявшихъ у памятника Богдана Хмѣльницкаго, что на Софійской площади, приняла Повидимому, памятникъ за изображеніе какого нибудь святого: нельзя было безъ скорби сердца наблюдать удивленіе этихъ простецовъ, спрашивавшихъ: „чегожъ ему свѣчекъ не свитать“?... И затѣмъ, на недоумѣнный вопросъ той-же толпы, — куда идти дальше, одинъ пилигримъ предложилъ отправиться „до св. Лева“, (т. е. до водоразборнаго крана съ фигурою Сампсона, раздирающаго пасть льву“, „испить цѣлебной водички“. Всѣ эти явленія въ положеніи нашихъ паломниковъ безспорно печальныя и заслуживаютъ участія къ нимъ со стороны лицъ, „могущихъ помощи“. Но есть другого рода зло, возбуждающее несравненно большее сожалѣніе и опасеніе за цѣлость вѣры „сихъ малыхъ“, — зло систематическое, преднамѣренное, воздѣйствію котораго подвержены бывають наши паломники во время путешествія и пребыванія въ городахъ, на немъ-то по преимуществу мы и желали бы остановить вниманіе нѣсколько долѣе, какъ на явленіи, имѣющемъ ближайшее миссіонерское значеніе. Мы разумѣемъ пропаганду лжеученій на пристаняхъ и пароходахъ, среди православныхъ паломниковъ, которая открыто ведется проповѣдниками всевозможныхъ сектанскихъ идей. Въ упомянутое прошлогоднее путешествіе наше ко св. мѣстамъ Кіева и Чернигова, верстъ за 80 до Кіева, сопутствовавшіе мѣжъ окружные миссіонеры замѣтили, что на нашемъ пароходѣ, среди чужихъ паломниковъ ведетъ горячую бесѣду какой-то молодой человекъ, лѣтъ 20-ти, по вѣншности — фабричный; онъ громко ораторствовалъ, высказывалъ штундистскія воззрѣнія на церковь, иконы, православное духовенство и проч.

— Позвольте спросить васъ, обратился я къ проповѣднику, прослушавъ нѣсколько его проповѣдь, — кѣмъ вы уполномочены учить публично народъ? Я слышу, что вы проповѣдуете народу, скажите пожалуйста намъ, кто васъ на это уполномочилъ и кѣмъ вы посланы?

— Никто меня не уполномочилъ и никто меня не посылалъ, я самъ говорю народу и поучаю его отъ Слова Божія, развязно отвѣчалъ мнѣ штундовый ораторъ.

— Изъ вашихъ-же послѣднихъ словъ видно, что вы, значить, самозванный учитель, а отъ таковыхъ св. Апостолы предостерегали вѣрующихъ христіанъ, ибо Слово Божіе учить: „какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы“ (Рим. 10, 15). Ученіе-же ваше о Церкви и священствѣ, какъ я слышалъ отъ васъ, показываетъ, что вы учите совершенно не такъ, какъ учили объ этомъ Христосъ и Его Апостолы,—показываетъ, что вы, ложно толкуя Св. Писаніе, приносите народу „иное благовѣствованіе“ (Гал. 1, 8), за которое ап. Павелъ грозитъ анафемой. А чтобы яснѣе показать вамъ,—обратился я къ толпѣ слушателей,— всю лживость и гибель заблужденія, только что проповѣданнаго вамъ этимъ неприваннымъ учителемъ, мы обратимся къ тому-же слову Божію, на которое этотъ парень ссылался, живо вамъ толкуя оное.

Затѣмъ я сталъ передавать народу краткія понятія о Церкви и священствѣ. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько обычныхъ штундистскихъ возраженій по сему предмету, пропагандистъ поспѣшилъ скрыться. Я съ окружными миссіонерами рѣшилъ не упускать его изъ виду. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени онъ снова успѣлъ собрать кружокъ слушателей въ противоположномъ концѣ парохода, но наше появленіе и сказанное народу слово предостереженія заставили сектанта уйти и отсюда. Онъ вышелъ на верхнюю палубу, тогда за нимъ тотчасъ поспѣшилъ и я. Увидѣвъ меня, онъ только зло улыбнулся и, пожавъ плечами, сошелъ внизъ, гдѣ его ожидали окружные миссіонеры. Сознывая полную невозможность продолжать затѣянную пропаганду, сектантъ счелъ за лучшее успокоиться и прекратить свои попытки къ ней...

Этотъ случай навелъ меня на мысль, не существуетъ-ли нарочито организованная штундистами пропаганда среди богомольцевъ, отправляющихся на поклоненіе св. мѣстамъ? Распросы паломниковъ, пароходной прислуги и лицъ, которымъ приходится по дѣламъ своимъ часто ѣздить пароходами по Днѣпру отъ Екатеринослава до Кіева и Чернигова, подтвердили мое предположеніе. Многіе утверждаютъ, что пропаганда на пароходахъ и пристаняхъ по Днѣпру всегда велась, какъ и теперь ведется штундистами, очень искусно и почти открыто, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться и еще разъ въ тотъ-же день, слыша пропаганду среди паломниковъ штундистскихъ людей на другомъ уже

пароходѣ, приготовлявшемся къ отплытію изъ Кіева въ Черниговъ и стоявшемъ у одной изъ пристаней кіевскихъ въ ожиданіи окончанія посадки пассажировъ *).

Послѣ всего видѣннаго и слышаннаго мною во время поѣздки съ своими паломниками въ Черниговъ и Кіевъ, я пришелъ къ тому заключенію, что въ интересахъ миссіи и православія нашего народа необходимо обратить серьезное вниманіе на паломничество престолюдиновъ и позаботиться о болѣе соответственной постановкѣ этого святаго дѣла.

Что-же нужно бы предпринять на пользу этого св. дѣла?

Прежде всего и наче всѣхъ должны, говоритъ редація журнала, приходскіе пастыри имѣть бдительное руководительное попеченіе о паломникахъ своего прихода. Желательна такая постановка дѣла, чтобы каждый изъ пасомыхъ, отправляясь на богомолье, бралъ на сей подвигъ благочестія благословеніе отъ пастыря своего, тогда и послѣдній будетъ имѣть возможность преподать совѣты и предостереженія относительно того, какъ наилучшій способъ совершить прихожанину свое паломничество, какія обители посѣтить, какимъ святынямъ на пути зайти поклониться, на что изъ церковныхъ намятниковъ обратить вниманіе и чего остерегаться и вчастности какъ устраниваться отъ „волковъ хищныхъ“ — сектантовъ, подходящихъ къ паломникамъ-простецамъ въ овечьихъ одеждахъ... Полезно было-бы, чтобы приходскіе пастыри, предъ временемъ обычнаго путешествія своихъ прихожанъ къ св. мѣстамъ, обращались въ одинъ изъ праздничныхъ дней съ нарочитою проповѣдью объ условіяхъ душевнспасительности паломничества и въ предостереженіе отъ грозящихъ паломнику во время пути искушенійхъ, а также предлагали-бы собирающимся на богомолье на вѣбогослужебномъ собесѣдованіи выслушать обстоятельное описаніе тѣхъ святынь, куда направляются богомольцы; — на болѣе благочестивыхъ, опытныхъ и разумныхъ изъ пасомыхъ паломниковъ пастырски возложить заботы объ охраненіи и руководствѣ въ пути остальныхъ неспѣдующихъ и простодушныхъ. По возвращеніи съ богомолья, прихожане-паломники должны придти „показаться священникамъ“ своимъ и дать сыновній отчетъ отцу духовному о всемъ видѣнномъ и слышанномъ во время путешествія и у св. мѣстъ. Здѣсь

*) Несомнѣнно, у новѣйшаго сектантства существуютъ попытки къ организаціи пропаганды своихъ лжеученій среди богомольцевъ. Не разъ наблюдалась пропаганда и на пароходахъ чрезъ книгоношъ и нарочитыхъ проповѣдниковъ въ монастырскихъ гостиницахъ. Кіевскіе штудовые главари встрѣчали партіи богомольцевъ на пути въ пустынь Голосѣвскую и здѣсь вели свои смущающія рѣчи. Ред.

пастырь и можетъ узнать и увидѣть, не коснулась ли сектантская тля или бабскія суевѣрія души его пасомыхъ. Такимъ путемъ возможно будетъ пастырю во время предупредить душевное заболѣваніе пасомага, давъ елей на рану сердца поколебленнаго или смущеннаго сына или дщери. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о народномъ паломничествѣ слишкомъ важный для религіозной жизни православнаго населенія и достойный вселчскихъ заботъ и попеченій.

Предостереженіе для священниковъ, относящееся къ миссіонерскимъ собесѣдованіямъ.

Тамъ же помѣщено „одно весьма полезное и даже необходимое предостереженіе для священниковъ“. ...Преподавая Законъ Божій въ одной изъ школъ на окраинѣ города, я, говоритъ авторъ замѣтки, въ своихъ урокахъ при выясненіи основныхъ истинъ ученія православной Церкви, часто останавливаюсь на такихъ мѣстахъ ученія, которыя, будучи неправильно поняты, служатъ источникомъ нападокъ на православную Церковь со стороны сектантовъ. Часто приходится заговаривать о знакомыхъ моимъ школьникамъ штундистахъ. Такъ было и въ предпоследній предъ св Пасхою урокъ. Я заканчивалъ курсъ и говорилъ о томъ, что пройденное училось не для школы только: уроки Закона Божія учать вѣрѣ, а вѣра ведетъ ко спасенію. Кто не знаетъ своей вѣры твердо, тотъ не можетъ устоять въ спасеніи. Придутъ волки въ овечьей одеждѣ и, лицемерно прикрываясь Евангелиемъ, станутъ говорить льстивыя слова, а не знающіе своей вѣры, не помнящіе того, чему учатъ священники въ церкви и въ школѣ, ничего не смогутъ имъ возразить. Штундисты часто берутъ верхъ надъ такими православными. — „А на чтеніяхъ они и священниковъ переговорили“, вдругъ замѣтилъ одинъ изъ школьниковъ — „Какъ переговорили?“ недоумѣнно спрашиваю я. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ узнаю, что всѣ мои школьники хорошо знаютъ про бывшія въ Думѣ, Контрактовомъ домѣ и въ Народной Аудиторіи кievскія собесѣдованія со штундистами. Очевидно, на нашихъ окраинахъ, въ сѣромъ простомъ людѣ извожиковъ, торговцевъ и ремесленниковъ, чьи по преимуществу дѣти учатся въ моей школѣ, собесѣдованія очень извѣстны. Откуда же и въ какомъ видѣ почерпаются эти свѣдѣнія, по какимъ даннымъ дѣти и, конечно, ихъ отцы и старшіе думаютъ, что на собесѣдованіяхъ штундисты „переговорили“ священни-

ковъ? Присутствовавшіе въ аудиторіяхъ видѣли и слышали, какъ штундисты, при всей своей самоувѣренности и заносчивости, не могли ни обосновать своего ученія, ни поколебать истину православнаго. Даже шумъ и крики ихъ, къ которымъ они прибѣгали какъ къ послѣдному средству, смолкали предъ авторитетнымъ голосомъ преосвященнаго предсѣдателя собраній. О „переговореніи“, т. е. о словесной побѣдѣ въ преніяхъ, и рѣчи быть не можетъ. Отчеты весьма подробные помѣщались въ мѣстныхъ газетахъ. Въ чемъ-же дѣло? А дѣло въ томъ, что свѣдѣнія о собесѣдованіяхъ простому народу достаются изъ вторыхъ рукъ въ фальсифицированномъ видѣ. За тѣснотою помѣщеній въ аудиторіи, гдѣ происходили собесѣдованія, изъ простыхъ людей удавалось проникнуть незначительной части, такъ что въ общемъ число штундистовъ иногда превышало количество слушателей изъ народа. Интеллигенцію мы не беремъ въ расчетъ. Штундисты воспользовались своимъ положеніемъ въ качествѣ живыхъ, но тенденціозныхъ вѣстниковъ интересующимся (а ими полны базары и улицы) о томъ, что происходило въ аудиторіи на собесѣдованіяхъ. Въ жаждущей свѣдѣній о такомъ выдающемся церковномъ явленіи, какъ эти собесѣдованія, простой легковѣрной массѣ сектанты легко нашли благодатную почву для проповѣди; они не настолько просты, чтобы не воспользоваться случаемъ и рассказывали про собесѣдованія, что и какъ имъ хотѣлось и было выгодно. Кто изъ простодушныхъ и мало, а часто и вовсе, неграмотныхъ, могъ ихъ провѣрить по печатнымъ отчетамъ и обличить, да и кому изъ занятыхъ заботами о хлѣбѣ насущномъ охота заниматься словопреніемъ? Да, наконецъ, съ печатными отчетами сектантамъ легко справиться однимъ указаніемъ, что ихъ пишутъ священники... О, сектанты смѣло могли восклицать въ толпѣ, какъ первые расколоучители послѣ собора: „побѣди-хомъ, пренрѣхомъ: тако вѣруйте!“ Собесѣдованія проходили одно за другимъ, но позаботились-ли приходскіе пастыри послѣ, хотя въ ближайшее воскресенье или праздникъ, въ проповѣди или въ церковномъ собесѣдованіи ознакомить свою паству, сожительствующую совместно съ сектантами, съ вѣрными свѣдѣніями и впечатлѣніями о предметѣ и ходѣ бесѣды, о поведеніи сектантовъ и пр., что интересовало и волновало толпу и площадь, о чемъ свѣдѣнія ея получались лишь изъ штундовыхъ источниковъ? Вотъ вопросъ. По нашему крайнему развѣнію публичныя пренія и всякое другое дѣло нашей противосектантской миссіи, только тогда будутъ безусловно полезны Церкви и цѣлесообразны, когда не будутъ стоять одиноко и эпизодически въ ряду

церковныхъ мѣропріятій противъ сектантства. Тотъ эффектъ, который производятъ собесѣдованія на непосредственныхъ слушателей ихъ, долженъ сообщаться возможно большой массѣ православныхъ и дѣлаться популярнымъ въ народѣ не руками и устами враговъ и огутниковъ Церкви, а блющихъ ея крѣпость. Если нельзя раскрыть двери аудиторій и допустить легковѣрныхъ нашихъ христіанъ самихъ видѣть и слышать, какъ это сектанты „переговариваютъ“ священниковъ, то пусть на помощь собесѣдованіямъ придутъ тѣ, кто долженъ охранять церковные интересы: приходскіе священники, учителя церковно-приходскихъ школъ и народная церковная литература. Пусть они сообщаютъ народу подлинныя свѣдѣнія о предметѣ собесѣдованій и о томъ, какъ на нихъ вели себя и что говорили сектанты и тогда парализуется злоумышленная ложь сектантовъ и отнимется отъ нихъ то украденное знаменіе побѣды на собесѣдованіяхъ, которымъ они нынѣ помаваютъ въ цѣляхъ своей преступной проаганды предъ довѣрчивой толпой.

Крестная казнь въ древнемъ мірѣ.

Крестная казнь или распятіе считалось въ древнемъ мірѣ ужаснѣйшимъ, мучительнѣйшимъ и позорнѣйшимъ изъ всѣхъ видовъ казни. Она была извѣстна индійцамъ, персамъ, ассирійцамъ, финикійцамъ, египтянамъ, кароагенянамъ, также грекамъ и римлянамъ. Послѣдніе не иначе называли ее, какъ казнью для рабовъ (*Servile supplicium*); человѣкъ съ правами римскаго гражданства никогда не подвергался этой казни. „Иудейское право, по словамъ русскаго ученаго (Маккавейскаго), отличалось болѣе гуманнымъ характеромъ, чѣмъ римское судопроизводство, не знало распятія. Если-бы судъ надъ Іисусомъ Христомъ совершался въ періодъ самостоятельной политической жизни іудеевъ, то обвиняемый двукратнымъ собраніемъ синедріона въ богохульствѣ, подсудимый былъ бы побитъ камнями. Но время было не то. Осужденный отечественнымъ судилищемъ на смерть, предсталъ на судъ еще римскаго правителя, гдѣ все дѣло было перенесено на почву римской юриспруденціи. Здѣсь само обвиненіе потеряло свой прежній религіозный характеръ и, благодаря стараніямъ руководителей дѣла, тѣхъ-же членовъ синедріона, приняло политическую окраску“ (Арх. истор. страд. Господа).

Всѣ подробности и обстоятельства, предварившія и сопровождавшія крестную казнь, отличались такимъ ужасомъ и жестокостью, что еще Цицеронъ неоднократно и настойчиво, во имя человечности и правосудія, требовалъ у римскаго сената повсемѣстнаго отмѣненія и уничтоженія ея. Опишемъ эти печальныя подробности, которыя христіанину должно знать, чтобы тѣмъ сильнѣе почувствовать весь ужасъ грѣха и все неизреченное милосердіе Того, „иже грѣхи наша вознесе на тѣлѣ Своемъ на древо (1 Петр. II, 24).

Когда осужденный признаваемъ былъ достойнымъ крестной казни, преторъ обыкновенно произносилъ надъ нимъ народное опредѣленіе: „ступай на крестъ“ (ibis ad crucem). Но древнее преданіе нѣсколько распространяетъ это опредѣленіе относительно Иисуса Христа и передаетъ его въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ Пилатомъ: „Иисуса Назарянина, по свидѣтельству старѣйшинъ народа Его, какъ презрителя кесаря, возмутителя общаго и ложнаго Мессію, отведите на мѣсто казни и приговорите ко кресту“.

Послѣ произнесенія приговора, осужденный переходилъ въ руки римскихъ воиновъ, которые, совлекши съ него одежды, привязывали его къ низкому столбу и бичевали, иногда съ такою жестокостью, что онъ умиралъ подъ ихъ ударами, число которыхъ никогда не было назначаемо. Истерзаннаго бичеваніемъ страдалца одѣвали послѣ этого въ его одежды, возлагали на плечи его крестъ, который онъ самъ долженъ былъ нести на мѣсто казни. Оно обыкновенно находилось за городомъ, близъ главной проѣзжей дороги, на какомъ-либо возвышеніи. Въ Иерусалимѣ это мѣсто называлось Голговою и находилось за стѣнами его, къ сѣверу.

По прибытіи на мѣсто казни, утверждали въ землѣ крестъ. Древнѣйшая и простѣйшая форма креста получалась отъ наложенія горизонтальной линіи на вертикальную; въ такомъ случаѣ весь видъ его уиодобился буквѣ Т. Иногда поперечный, болѣе короткій брусъ, срединю своею не накладывался на верхній конецъ вертикальнаго столба, а прикрѣплялся къ этому столбу нѣсколько ниже (+), это вторая форма креста. Наконецъ, крестъ имѣлъ еще фигуру римской цифры Х, т. е. составлялся изъ двухъ, одинаковой величины, прѣмыхъ брусевъ, соединявшихся вмѣстѣ на срединѣ своей подъ острымъ угломъ. По мнѣнію большинства св. отцевъ и учителей церкви, крестъ Спасителя былъ четвероконечнымъ и именно второй формы: это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что форма эта болѣе, чѣмъ какая-либо

другая встрѣчается въ памятникахъ древняго христіанскаго искусства. Для того, чтобы тѣло распятаго имѣло больше опоры на крестѣ и тяжестью своей не оторвало рукъ отъ гвоздей, въ серединѣ вертикальнаго столба придѣлывался еще небольшой брусъ или деревянный гвоздь, который по формѣ своей напоминаетъ рогъ.

Расплатіе происходило такимъ образомъ. Совершенно до нага раздѣтго преступника посредствомъ веревкокъ, привязывавшихся къ рукамъ казненнаго и перекидывавшихся чрезъ поперечную балку креста, исполнители казни сначала поднимали вверхъ, а потомъ опускали на брусъ, находящійся въ серединѣ вертикальнаго столба. Послѣ того, распростертыя руки казнамаго крѣпко привязывались веревками къ поперечной балкѣ, а вытянутыя ноги къ перпендикулярному основанію креста. Въ Египтѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, на этомъ и оканчивалось собственно расплатіе, но въ Римѣ сверхъ этого употреблялось еще пригвожденіе, состоявшее въ томъ, что привязанныя руки распятаго прибавались къ балкѣ длинными, острыми и крѣпкими желѣзными гвоздями. Ноги преступника обыкновенно только привязывались веревками въ нижней части креста; но нерѣдко пригвождались и онѣ: каждая особо, или же обѣ вмѣстѣ, положенныя одна на другую, однимъ общимъ гвоздемъ. Этимъ и ограничивалась казнь въ Римѣ.

Мученія пригвожденныхъ ко кресту были ужасны. Съ этимъ согласны показанія современной медицины. 1) При неестественномъ, насильственномъ положеніи тѣла съ постоянно натянутыми руками, нельзя сдѣлать малѣйшаго движенія безъ того, чтобы не причинить всему тѣлу, а особенно частямъ, пробитымъ и истерзанымъ бичеваніемъ, невыносимой боли. 2) Гвозди вбиваются въ такія мѣста, гдѣ соединяются очень чувствительныя нервы и сухожилія,—это еще болѣе обостряетъ боли. 3) Раненыя части, постоянно открытыя для воздуха, воспаляются и постепенно становятся синими, потомъ черными. То-же дѣлается и въ другихъ частяхъ тѣла, тамъ, гдѣ задерживаемая чрезмѣрнымъ растяженіемъ тѣла, кровь приходитъ въ застой. Воспаленіе этихъ частей и происходящія отсюда мученія увеличиваются съ каждымъ мгновеніемъ. 4) Кровь, которая артеріями должна разноситься изъ лѣвой сердечной полости по всѣмъ частямъ тѣла, на раненыхъ и сильно растянутыхъ оконечностяхъ не находитъ себѣ достаточнаго мѣста; вслѣдствіе этого она приливаетъ къ головѣ, какъ остающейся свободною и въ нормальномъ положеніи, неестественно напрягаетъ пульсъ и производитъ постоянно усили-

вающіяся головныя боли. Какъ результатъ той-же задержки кровообращенія на оконечностяхъ тѣла, является переполненіе крови въ лѣвой сердечной полости. Такимъ образомъ, кровь не имѣетъ свободнаго доступа и въ легкія. Все это, сжимая сердце и напрягая артеріи, производитъ страшное, какъ бы тревожное состояніе въ организмѣ. 5) Истеченіе крови чрезъ открытыя раны могло-бы сократить мученія, но такое истеченіе, вслѣдствіе сгущенія крови, никогда не бываетъ обильно и скоро прекращается совершенно.

Не смотря на такія мученія, смерть должна была наступать медленно, путемъ постепеннаго оцѣненія нервовъ, жилъ и мускуловъ, которое начинается на оконечностяхъ и постепенно направляется внутрь, къ болѣе чувствительнымъ частямъ. Поэтому распятыя нерѣдко сохраняли жизнь на крестѣ въ продолженіе 12-ти часовъ, а иногда, какъ свидѣтельствуемъ Оригенъ, колебались между жизнью и смертію до вечера слѣдующаго дня. Бывали случаи, что пригвожденные ко кресту оставались живыми до третьяго и даже до четвертаго дня, когда только мучительная, голодная смерть полагала конецъ ихъ страданіямъ. Но само собой понятно, что только натуры сильныя и малоизмученныя до распятія, способны были такъ долго выдерживать страданія на крестѣ. Люди слабыя нерѣдко умирали уже подъ ударами страшнаго римскаго бича; если же кому изъ нихъ удавалось перенести это истязаніе, то и въ такомъ случаѣ, въ его измученномъ тѣлѣ оставалось уже мало жизни. Крестныя страданія Господа Іисуса Христа, уже и до нихъ такъ изстрадавшагося тѣломъ и еще больше душою, не могли продолжаться долго.

Чтобы прекратить скорѣе жизнь распятыхъ на крестѣ, прибѣгали къ различнымъ средствамъ: иногда преступника подвергали сожженію вмѣстѣ съ крестомъ, поджигая послѣдній снизу; иногда казенныхъ живыми бросали въ бездонную пропасть, или же кормили ими звѣрей, содержавшихся въ циркѣ; часто, по прошествіи сутокъ, ихъ оставляли безъ всякаго вниманія на мѣстахъ казни до тѣхъ поръ, пока они тамъ не истлѣвали или же не были съѣдаемы дикими звѣрями.

Въ Палестинѣ это было нѣсколько иначе. По закону Моисея, евреи не могли оставлять казенныхъ безъ погребенія на ночь, и римляне, вообще отличавшіеся вѣротерпимостью къ своимъ подданнымъ, не возбраняли іудеямъ исполненіе этого обычая. Но такъ какъ одного дня (12 часовъ) обыкновенно было недостаточно для полной смерти распятаго, то вмѣстѣ съ распятіемъ

въ Палестинѣ была соединена другая, совершенно самостоятельная, также смертная казнь — перебитіе голеней; оно употреблялось въ томъ случаѣ, когда ко времени снятія со креста, къ солнечному заходу (около 6-ти часовъ вечера) въ распятомъ замѣчали или же подозрѣвали признаки жизни. Иудеи просили Пилата совершить это послѣднее и надъ Иисусомъ Христомъ; ранняя смерть Божественнаго Страдальца на крестѣ отвратила отъ Него это новое поруганіе и страданіе, и только, по сказанію евангелиста, одинъ изъ воиновъ римской стражи, стоявшей у креста, пронзилъ копьемъ Его бокъ, изъ котораго излилась, во очищеніе міра отъ грѣховъ, кровь и вода („Русск. Паломн.“).

Св. символы страстей Христовыхъ.

Съ давнихъ поръ въ христіанскомъ мірѣ особеннымъ уваженіемъ и почитаніемъ пользуются предметы, относящіеся къ исторіи страданій Спасителя. Въ числѣ главнѣйшихъ изъ нихъ древность сохранила: терновый вѣнецъ, надпись на крестѣ и гвозди, которыми было пробито Тѣло Спасителя ко кресту. Историко-археологическія свѣдѣнія объ этихъ св. символахъ страстей Христовыхъ не лишены интереса.

Терновый вѣнецъ Спасителя, который надѣли на него воины въ преторіи Пилата, нѣкогда переданный Людовику святому, хранится въ настоящее время въ парижскомъ соборѣ Богоматери (Notre Dame). Онъ состоитъ изъ небольшихъ прутьевъ зизифа, соединенныхъ въ пучки. Диаметръ внутренности кольца имѣетъ 210 миллиметровъ, а разрѣзъ — 15 миллиметровъ въ диаметрѣ. Прутья соединены посредствомъ 15-ти или 16-ти связей, сдѣланныхъ изъ подобныхъ же прутьевъ. Нѣкоторые изъ нихъ согнуты, вслѣдствіе чего можно видѣть, что растеніе въ серединѣ пустое; поверхность ихъ, при разсмотрѣніи въ лупу, оказывается изборозжденной маленькими ребрами.

Въ ботаническомъ саду въ Парижѣ разводится растеніе, извѣстное подъ названіемъ *juncus balticus*, которое вывезено изъ теплыхъ странъ и въ точности похоже на растеніе, изъ котораго сдѣлавъ сохраняющійся въ соборѣ Богоматери вѣнецъ.

Надпись, которая прибита была ко кресту, для обозначенія имени и вины Спасителя, не сохранилась въ цѣлости. Значительный обломокъ ея, впрочемъ, имѣется въ церкви св. Іеруса-

лимскаго Креста въ Римѣ. Это небольшая доска, вся изъѣденная древесными червями; родъ дерева, изъ котораго она сдѣлана, опредѣлить нельзя съ точностью: дубъ ли это, или тополь, или сикиморъ. Она имѣетъ 235 миллиметровъ въ ширину при 130 миллиметрахъ высоты. На ней ясно видны два остатка надписи, одинъ на греческомъ, а другой на латинскомъ языкахъ, и на верху оконечность какихъ-то кривыхъ линий, которыя, повидному, представляли собою низъ буквъ еврейской надписи. Средняя надпись гласитъ „Nazareous“, а нижняя „Nazare Nus Re“. Буквы, окрашенные въ красный цвѣтъ на бѣломъ фонѣ, нѣсколько углублены, такъ какъ онѣ были начертаны небольшимъ долотомъ. Онѣ имѣютъ отъ 28 до 30 миллиметровъ высоты, такъ что ихъ можно было ясно видѣть на той высотѣ, гдѣ была прибита самая надпись.

Замѣчательную особенность надписи составляетъ то, что слова начисаны были на выворотъ, по восточному способу, справа налѣво, такъ что буквы кажутся перевернутыми, подобно тому, какъ онѣ кажутся, будучи отраженными въ зеркалѣ. Титульная надпись на крестѣ въ своемъ цѣломъ видѣ должна была приблизительно имѣть 15 вершковъ длины при $4\frac{1}{2}$ вершкахъ ширины.

Неизвѣстно, собственно, сколько гвоздей было употреблено при распятіи; по однимъ, ихъ было только три, причемъ одинъ служилъ для прибитія обѣихъ ногъ вмѣстѣ; по другимъ, что вѣроятнѣе, ихъ было четыре—по одному для каждой руки и по одному для каждой ноги. Всѣ греческіе живописцы изображаютъ Христа прибитымъ ко кресту четырьмя гвоздями.

По церковному преданію, царица Елена, послѣ обрѣтенія св. Креста въ Иерусалимѣ (въ началѣ IV вѣка), взяла съ собою въ Константинополь часть св. Креста и всѣ четыре гвоздя, бывшіе при немъ. Одинъ изъ этихъ гвоздей она бросила въ море, для укрощенія бури, застигнувшей ея корабль на обратномъ пути изъ Св. Земли. О другихъ гвоздяхъ повѣствуютъ, что одинъ изъ нихъ былъ вдѣланъ въ шлемъ Константина великаго, а другой въ узду коня его. Гдѣ теперь находятся эти шлемъ и узда съ гвоздями Креста Христова, неизвѣстно. О четвертомъ гвоздѣ извѣстно, что онъ сохранился въ Грузіи, будучи подаренъ грузинскому царю Миріану. Въ половинѣ XVII в. гвоздь этотъ присланъ былъ грузинскимъ царемъ Арчиломъ въ Москву, гдѣ положенъ въ Кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ въ золотомъ ковчегѣ; длина гвоздя $1\frac{3}{4}$ вершка; онъ сдѣланъ изъ желѣза.

Показывают гвозди Креста Христова и на Западъ, но это вѣроятно, тѣ гвозди, которыми скрѣвлено было древо Креста Господня. Въ соборѣ парижской Богоматери сохраняется одинъ изъ этихъ гвоздей, имѣющій 90 миллиметровъ въ длину; онъ не имѣетъ шляпки, и неровное остріе осталось невредимымъ. Въ базиликѣ св. Іерусалимскаго Креста въ Римѣ можно видѣть другой гвоздь, который имѣетъ 12 сантиметровъ въ длину и $8\frac{1}{2}$ миллиметровъ толщины въ своемъ наибольшемъ размѣрѣ; верхушка его покрыта своего рода углубленной шляпкой, на днѣ которой онъ заклепывался, какъ это обыкновенно мы видимъ у другихъ древнихъ гвоздей, находящихся, напримѣръ, въ ватиканской библиотекѣ. Знаменитая „железная корона“, служившая для коронованія императоровъ и сохраняющаяся еще и теперь въ Монцѣ, близъ Милана, ведетъ свое названіе отъ желѣзнаго гвоздя, взятаго отъ Креста Христова. (Газ. „Свѣтъ“).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ Московской Синодальной Типографіи

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

„Библия“ въ русскомъ переводѣ, въ 4 д., больш. формата, крупн. гражд. печ., въ бум. 3 р. 10 к., въ кожѣ или коленк. съ саф. корешк. съ золотымъ тисненіемъ 5 р. 50 к.

Первое изданіе на русскомъ языкѣ Московской Синод. Типографіи; по четкости шрифта весьма удобно для слабыхъ зрѣніемъ. Параллельныя мѣста вновь проверены и примѣнены къ тексту русскаго перевода.

„Новый Заветъ“ въ русскомъ переводѣ, въ 32 д., съ указателемъ Евангельскихъ и Апостольскихъ чтеній на все дни года, въ бумагѣ 22 к., въ коленкорѣ 35 к.

„Новый Заветъ съ Псалтирю“ въ русскомъ перев., крупн. гражд. печ., въ бумагѣ 75 к., въ коленкорѣ 1 р., въ коленкорѣ съ сафьяннымъ корешкомъ 1 р. 20 к.

„Псалтирь“ въ д. больш. формата, крупн. церк. печ. Составъ Псалтири учебной. Въ бум. 3 р. 60 к., въ кожѣ 5 р., въ коленк. съ саф. корешк. съ золотымъ тисненіемъ 6 р.

Отпечатана на лучшей бумагѣ, каждый стихъ съ новой строки и начинается киноварною буквою.

„Псалтирь“ въ 4 д., церк. печ. безъ кин. Составъ тотъ же. Каждый стихъ съ отдѣльной строки. Въ бум. 65 к., въ корешкѣ 85 к., въ кожѣ 1 р. 5 к., въ коленкорѣ 1 р. 20 к.

„Молитвословъ съ акаѳистами“, гражд. печ., въ 64 д., въ бум. 12 к., въ коленкорѣ или красной кожѣ 25 к.

„Поминавье“, съ помянникомъ живыхъ и умершихъ, церк. или гражд. печ., въ 32 д., на лучшей бумагѣ, въ коленкорѣ 15 к. и 20 к., въ шагренѣ 25 к.

„На пути въ Иерусалимъ и въ Иерусалимъ“. А. И. Недумова Изданіе 3-е. Цѣна 30 к.

„Сборникъ мыслей и изреченій Митрополита Московскаго Филарета“, извлеченныхъ изъ переписки его съ разными лицами. Цѣна 40 к.

„Нравственное ученіе“ въ сочиненіи Толстого „Царство Божіе внутри васъ“, предъ судомъ ученія христіанскаго. Архимандрита Антонія. Цѣна 20 к.

„Народное образованіе и школа“. Свящ. І. Фуделя. ц. 40 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИЦЕВЫЕ СВЯТЦЫ

въ 12 красокъ, на 48-ми таблицахъ.

Цѣна 14 р. 40 к.; отдѣльно каждая таблица 35 коп.

Изданіе окончится печатаніемъ въ концѣ сего года.

Изданія К. П. Побѣдоносцева:

„Московскій сборникъ“. Цѣна 1 р. 25 к. и 1 р. 40 к.

„Побѣда, побѣдившая міръ“. Цѣна 45 к.

„Исторія дѣтской души“. Повѣсть не для дѣтей. Переводъ Е. А. Цѣна 1 р.

„Основная конституція человѣческаго рода“. Сочиненіе Ле-Пле.

Съ очеркомъ жизни и дѣятельности автора. Цѣна 75 к.

„Вѣчная память“. Воспоминанія о почившихъ“. Цѣна 75 к.

- „Исторія православной Церкви до начала раздѣленія церквей“.
Цѣна 75 к.
„О подражаніи Христу“. Оомы Кемнійскаго. Переводъ съ латинскаго языка. Цѣна 1 р. 25 к.
„Праздники Господни“. Цѣна 50 к.

Книги продаются въ Московскихъ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ переплетахъ разнообразнаго вида, указанныхъ въ каталогахъ Типографіи, которые выеылаются бесплатно.

Тамъ же продаются священныя изображенія, отпечатанныя красками на жести, разнообразныхъ форматвъ и цѣвъ.

Ежемѣсячный литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Годъ девятый).

Книга 3-я (мартъ).

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

1. „Переписка П. С. Тургенева съ П. В. Анненковымъ (1871—1883)“. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Л. Н. Майкова.—2. „Невинная игра“. Повѣсть. Гл. 14—21. А. В. Стернь.—3. „Годы службы П. П. Гилярова-Платонова въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ. 1859 годъ“, Гл. 6. Князя П. В. Шаховскаго.—4. „Подъ разными флагами“. Романъ. Часть первая. Гл. 7. О. Э. Ромера.—5. „Статскій армейцу“. П. Ф. Павлова. Съ предисловіемъ и письмомъ къ академику Я. К. Грогу. П. Шейна.—6. „Изъ далекаго прошлаго“.—7. „Изъ тревожной эпохи“. Гл. 2. „Сельцо Дарьино“. П. И. Суворова.—8. „Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія“. Часть вторая. Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи. Гл. 5—6. Графа П. А. Банниста.—9. „Какое счастье! милый, это былъ лишь сонъ“... Стихотвореніе П. О. Плахова.—10. „Книга особенно замѣчательной судьбы“. Гл. 1—3. В. В. Розанова.—11. „Путешествія по Россіи великаго Царя-Миротворца Александра III Александровича“. А. А. Шевелева.—12. „Мечта“. Стихотвореніе Федора Сологуба.—13. „Сотрудники князя Адама Чарторыйскаго въ дѣлѣ устройства народнаго просвѣщенія въ Виленской учебномъ округѣ“. Ю. О. Брачковскаго.—14. „Неравный брак“. Повѣсть. Ф. Эвартъ. (Переводъ съ нѣмецкаго О. А. Прибытковой).—15. „Воспоминанія объ Альфонсѣ Додэ“. Леона Додэ. (Переводъ съ французскаго А. І. Ч.).—16. „Изъ Гете“. Стихотвореніе А. Зиге.—17. „Несессеръ“. Пасхальный разсказъ. Жипа. (Переводъ съ

французскаго О. П. П.).—18. „Изъ Нигристана Кемаль-паша“. Стихотворенія Ѳ. П. Уманца.—19. „Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и вообще тѣхъ дѣятелей“. Изъ воспоминаній объ Н. А. Гончаровѣ. П. К.—20. „Критика“; Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Гл. 3. В. Смирнова.—21. „Библиографія“: 1) Философія исторіи, 2) Исторія, 3) Воспоминанія, 4) Этнографія, 5) Этика, 6) Справочники, 7) Статистика.—22. „Изъ вопросовъ вѣры и жизни“. Логическій конецъ сектантства. Свещ. І. И. Фудель.—23. „Внутреннее обозрѣніе“. Законъ введенія суда присяжныхъ въ четырехъ губерніяхъ.—Два мнѣнія объ этой формѣ суда.—Отношеніе присяжныхъ къ преступленіямъ противъ собственности и личной безопасности и дѣтубійствамъ.—Непонятная снисходительность.—Мнѣніе объ институтѣ нѣмецкаго ученаго.—Подрывъ чувства законности.—Отсутствіе практической необходимости преобразованія. А. П. Елизева.—24. „Иностранное обозрѣніе“. Не-дипломата.—25. „О кремлевскихъ соборахъ и колокольняхъ и объ стлавкѣ колокола въ 12000 пуд. при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Проф. Г. А. Муркоса.—26. Книги, погубившія въ редакцію.—27. Объявленія.—28. Приложение: „Крестовосцы“. Историческій романъ. Генрика Сенкевича. (Переводъ съ польскаго А. І. Чичаговой).

Подписная цѣна:

(Въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—3 руб. 75 коп., на 2 мѣсяца—2 руб. 50 коп., на 1 мѣсяць—1 руб. 25 коп.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣсяцевъ—6 руб., 3 мѣсяца—3 руб., 2 мѣсяца—2 руб., 1 мѣсяць—1 рубль.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя бібліотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

Съ пересылкой за границу—18 рублей.

Подписка принимается:

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ бібліотекѣ Семеновика, Васильевскій Островъ, 6 линія' д. № 25. Здѣсь же производится продажа отдѣльныхъ №№ журнала.

Подписка принимается и въ другихъ городахъ и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Подписку съ разсрочкой платежа просить адресовать исключительно въ контору редакціи.

Книги журнала за все 7 лѣтъ съ его основанія (1890—1896 гг.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 руб. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ все 7 лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакціи Русскаго Обозрѣнія. (Ильинскія ворота, домъ Титова).

Редакторъ-издатель Анатолій Александровъ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

СЪ РАЗРЪШЕНІЯ СВ. СУНОДА

КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА.

Въ 2-хъ частяхъ, около 600 стран.

Составлена подъ редакцію А. И. Поповицкаго. Редактора журнала „Русскій Паломникъ“.

Часть I—календарная, съ чистыми листками почтовой бумаги, для записи на каждый день, въ мягкомъ каленкоровомъ переплетѣ, съ карандашемъ и грифельною доскою. 362 стран.

Часть II—юридическая, заключающая въ себѣ законы, указы Св. Синода, правила, инструкціи, епархіальныя и правительственныя распоряженія, касающіяся русскаго православнаго духовенства. 212 стран.

Цѣна за обѣ части 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Выписывающіе отъ издателя П. П. Сойбина. (С.-Пб., Стремянная, 12), за пересылку не платятъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 11-го.

Часть официальная. Высочайшая награда.—Распоряженія епархіальнаго начальства.—Отъ Комитета Сибирской желѣзной дороги.—Движеніе и переѣзны по службѣ.—Праздныя вакансіи.—Денежныя поступления.

Часть неофициальная. Поученіе на праздникъ Вознесенія Господня. I) Изъ жизни и исторіи епархіи: Письма изъ деревни.—Оерапонтовъ монастырь.—Сельское церковное торжество.—Кафедра новгородскихъ святителей. II) Статьи и сообщенія: О взаимопомощи среди духовенства.—О недостаткахъ паломничества къ отечественнымъ святынямъ.—Предостереженіе священниковъ, относящееся къ миссіонерскимъ собесѣдованіямъ.—Крестная казнь въ древнемъ мірѣ.—Св. символы страстей Христовыхъ. **Объявленія.**

25-го мая 1898 г. Печатать разрѣшается:

Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій.*

Редакторъ, преподаватель Семинаріи *Степанъ Успенскій.*

Н О В Г О Р О Д Ъ.

Царовая типографія І. І. Игнатовскаго (Знаменская ул., соб. д.).